

Ю. Г. Малков

ПОВЕСТЬ О ПСКОВО-ПЕЧЕРСКОМ МОНАСТЫРЕ

(К истории сложения свода монастырских сказаний)

Повесть о Псково-Печерском монастыре давно известна исследователям древнерусской литературы. Однако до сих пор не существует научной публикации всей местной монастырской хроники, лишь частью которой является эта Повесть.¹ А между тем как собственно Повесть, так и сопутствующие ей другие разновременные сказания печерского цикла являются весьма значительным литературным памятником XVI—начала XVII столетия, остававшимся популярным в читательской среде на протяжении всего XVII в.

Уже Н. Серебрянскому, издавшему одну из промежуточных редакций Повести,² было известно несколько ее списков: так, в качестве основного текста он опубликовал рукопись 1536 г. из библиотеки Волоколамского монастыря в собрании Московской Духовной академии (ныне: ГБЛ, ф. 173, № 659, л. 143—148 об.), с дополнениями по двум рукописям XVII в. — из библиотеки Троице-Сергиевой лавры (ГБЛ, ф. 304, № 679, л. 209 об.—218; писана Германом Тулуповым в 1632 г.) и из Имп. Публичной библиотеки (ныне: ГПБ, Погодинское собр., № 1553, л. 163—191). Однако тогда же он высказал мнение, что ни один из этих списков «не может быть вполне исправным».³ Н. Серебрянский указал также еще несколько списков XVII в., в том числе: из

¹ Компилятивные переработки текста в «издательской редакции», т. е. по сути в пересказе (со многими искажениями и ошибками), публиковались еще с начала XIX в. См.: Повесть о начале и основании Печерского монастыря, взятая из древних летописцев, обретающихся в книгохранилищнице одного монастыря. М., 1803; То же — М., 1820; То же — Дерпт, 1821; То же — М., 1831; То же — Псков, 1849. Научным требованиям эти издания не отвечают и давно стали библиографической редкостью — см. их критический разбор: *Серебрянский Н.* Очерки по истории монастырской жизни в псковской земле. М., 1908. С. 61—63.

² *Серебрянский Н.* Очерки... С. 545—552.

³ Там же. С. 504.

архива Министерства иностранных дел (АМИД, № 399, 470 — ныне в ЦГАДА); из собраний Синодальной библиотеки (№ 564),⁴ Казанской Духовной академии (№ 609 — бывш. Соловецкое собр., № 671 — ныне в ГПБ); две рукописи, сходные с архивскими (Синодальное собр., № 559; собр. Ундольского, № 593); рукопись из библиотеки Тверского музея (№ 103 (3129))⁵ и список 1710 г. из собрания Новгородской Софийской библиотеки.⁶ Списком Казанск.-609/Солов.-671 пользовался при своих исторических разысканиях и В. Ключевский.⁷ Н. Серебрянский отметил также наличие еще одного списка Повести, хранившегося тогда в библиотеке Псково-Печерского монастыря, переписанного там иеродиаконном Питиримом в 1692 г.⁸

Ставя своей ближайшей целью лишь привлечение более пристального внимания к этому, ныне полузабытому, памятнику, а отнюдь не его полный текстологический анализ с выявлением всех сохранившихся списков, автор настоящих строк тем не менее уже сейчас может указать на то, что поле для подобного рода исследований весьма обширно — общий фонд списков Повести лишь при самом предварительном подсчете включает в себя более пятидесяти рукописей XVI—XIX вв.⁹

Н. Серебрянский на основании известных ему списков пришел к выводу о наличии двух редакций памятника — «начальной, краткой, составленной в первой половине XVI в., и позднейшей, представляющей собой продолжение начальной и ее переработку, писанной в конце этого же века и дополненной затем некоторыми

⁴ См.: *Строев П. М.* Библиологический словарь и черновые к нему материалы. СПб., 1882. С. 378.

⁵ *Серебрянский Н.* Очерки... С. 50.

⁶ *Строев П. М.* Библиологический словарь... С. 380.

⁷ *Ключевский В. О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. С. 315.

⁸ *Серебрянский Н.* Очерки... С. 61.

⁹ Кроме перечисленных выше списков Повести укажем также следующие рукописи (в основном XVII в.): а) ГПБ: Погод., № 902, 1576, 1629; собр. СПб. Духовн. акад., № 302; Q. XVII.34; Q. XVII.40; Софийское собр., № 343, 1433; Эрмитажное собр., № 484, 1692 г.; Соловецкое собр., № 16 (50); Кирилло-Белозерское собр., № 3 (417); собр. Толстого, отд. II, № 212; б) БАН СССР: 31.6.26; 38.4.40; в) ГБЛ: МДА, № 10 (175), XVI—XVII вв.; МДА, № 5; собр. Большакова, ф. 37, № 38, 257; собр. Долгова, ф. 92, № 49 (М. 5879), конец XVI—начало XVII в.; собр. Попова, ф. 236, № 61 (М. 2524); собр. Строева, ф. 292, № 32 (М. 8261), середина XVIII в.; собр. Ниловой пустыни, ф. 200, № 69, XVIII в., № 82 (80), XVII—XVIII в.; Опись поступл. 1970 г., № 24; г) ГИМ: собр. Барсова, № 2763; собр. Вахромеева, № 435; Воскресенское собр., № 1546; собр. Забелина, № 333, XVIII в.; собр. Уварова, № 23, 40, 107, 778, 840, 956; Музейское собр., № 2010 (отрывок, XVIII в.); собр. Хлудова, № 248, XVIII в.; д) собр. Этнограф. музея в Ленинграде; е) Гос. архив Ивановской обл., № 21 (1095); ж) Гос. архив Костромской обл., № 219 (230); з) Псковский историко-художественный музей, № 125/49 (стар. № 518), 129, обе — XIX в.; и) Новгородский историко-художественный музей, № 10840, XVII в. Сведения о ряде рукописей со списками Повести любезно сообщены автору псковскими краеведами А. Коротковым и Н. Догадиным, также интересовавшимися литературной судьбой этого памятника.

статьями в начале XVII в.»¹⁰ При этом он относил к первой редакции изданные им тексты — как типа рукописей из библиотеки Волоколамского монастыря, № 659 и Троице-Сергиевой лавры, № 679, так и типа списка из собр. Погодина, № 1553, имеющего «некоторые особенности, не дающие, правда, возможности выделить его в особую редакцию».¹¹ Несмотря на всю научную осторожность исследователя, подобный подход к составу памятника в известной степени упрощал реальный процесс его сложения; к тому же историко-литературная сторона дела мало интересовала ученого, использовавшего Повесть лишь в качестве источника по истории псковской монастырской жизни.

Сразу следует отметить, что в полном и окончательном составе сводный текст, обычно называемый Повестью о Псково-Печерском монастыре, в действительности представляет собой сумму отдельных сказаний, образующих своего рода историческую хронику, имеющую естественное начало, но практически, как сама история, не долженствовавшую, по понятиям ее составителей, иметь «литературного конца». Другое дело, что сам принцип «летописания», положенный в основу создания этого памятника, постепенно сходил на нет на протяжении XVII в. К тому же и наступившая со второй трети века сравнительно спокойная жизнь в Печерском монастыре — без особых событий или военных потрясений — естественным образом способствовала угасанию прежде столь активной и постоянной летописной монастырской традиции: хроника обители обрывается в 1620-е гг., как бы постепенно замирая на последних страницах, заполненных почти статистическими сводками «чудесных» исцелений от богородичных монастырских икон. По сути перед нами не целостная «повесть», а ряд повествований о нелегкой жизни монастыря-крепости порубежной Руси на протяжении одного столетия — своего рода коллективный труд, во многом сверхличностный, а частью и безымянный — вполне в духе средневекового понятия «соборного» творчества. Что же представляет собой окончательно сложившийся свод этих хроникальных свидетельств, группирующихся вокруг основной части цикла — собственно Повести о Псково-Печерском монастыре?

Сводный характер текста памятника на заключительном этапе его сложения можно отметить в следующих списках XVII в.: Воскресенское собр., № 136 (ГИМ); Синодальное собр., № 564 (ГИМ); Ф. I. 243 (ГПБ); АМИД, № 470, 399 (ЦГАДА); Смоленский краеведческий музей, № 8 (9914); Новгородский историко-художественный музей, № 10840; Казанск.-609/Солов.-671 (ГПБ). В последнем из указанных списков — традиционный состав и порядок отдельных «глав» сводного текста (подчеркнем при этом всю условность в данном случае понятия «главы»):

¹⁰ *Серебрянский Н.* Очерки. . . С. 39.

¹¹ Там же. С. 60.

1. «Монастырь пречистыя владычицы нашей богородицы и приснодевы Мария честнаго и славнаго ея Успения Печерский в долу меж горех» (л. 222—231; здесь и далее в рукописи разметка листов позднейшая).

2. «Повесть о Печерском монастыре, иже во Псковской земле, и о первом старце Марке и о игуменах, в ней же явлено вкратце и о чудесех от икон пречистыя богородицы честнаго и славнаго ея Успения и Умиления, и о избавлении града Пскова и обители Печерския от плена в нашествие польскаго и литовскаго краля Степана Обатура» (л. 231 об.—279). Последние две части этой «главы», описывающие осаду Пскова и самого монастыря войсками короля Стефана Батория в 1581 г., в свою очередь имеют подзаголовки: «О приходе польского короля ко граду Пскову ратию» и «О приходе литовских людей к Печерскому монастырю и о победе на них».

3. «О преложении начальных старцов печерских» (л. 279 об.—280 об.).

4. «Сказание о нашествии иноплеменик к Печерскому монастырю» (л. 281—293 об.).

5. «О крестохождении по завету осадных людей в Печерском монастыре во Псков к Святей и Живоначальной Троицы в неделю седьмую по Пасце» (л. 294—304).

6. «О чудесех пречистыя богородица от иконы честнаго ея Успения, иже во Псковской области в Печерском монастыре, и от той иконы Умиления, зовомо Владимирския» (л. 305—319 об.).

Первоначальным текстом и основным ядром памятника является вторая «глава» хроники — «Повесть о Печерском монастыре, иже во Псковской земле», постепенно сложившаяся в окончательном своем виде лишь в результате длительного процесса дополнений и переработок, проводившихся на протяжении XVI—XVII вв., о чем подробнее будет сказано ниже.

Первая «глава» — «Монастырь пречистыя владычицы в долу меж горех»¹² — представляет собой своеобразную вводную часть к Повести, с подробным описанием монастыря, его построек и некоторых его святынь; возникла она в 1602/1603 г. (дата следует из контекста — на л. 228: «по настоящей сей по седми тысячных 111 лето») и, вероятно, основана на материалах местных описей. В частности, в 1584—1587 гг. писцами Г. И. Мещаниновым-Морозовым и дьяком И. В. Дровниным проводилась перепись Пскова и Псковского края, в документах которой имеется и подробное описание монастыря.¹³ При составлении этого описания могли быть использованы и материалы более ранней псковской

¹² Эта «глава» опубликована нами в качестве приложения к статье, посвященной истории архитектурного ансамбля монастыря. См.: Малков Ю. Г. Новые материалы к истории архитектурного ансамбля Псково-Печорского монастыря // Реставрация и исследования памятников культуры. М., 1982. Вып. 2. С. 65—81.

¹³ См.: Псковский Печерский монастырь в 1586 г. // Старина и новизна. СПб., 1904. Кн. 7. С. 255—271.

переписи 1556—1558 гг.; в таком случае в основе первой «главы» может лежать этот более древний документ, постепенно пополнявшийся новыми сведениями вплоть до 1602/1603 г., когда описание обители приобрело более выразительную и емкую литературно-повествовательную форму — в сравнении с простым актом переписи. То, что это было сделано составителем и редактором «главы» вполне сознательно, видно хотя бы из того, что она гораздо более кратка, чем подробная опись 1584—1587 гг., и представляет собой своеобразный «путеводитель» по монастырю, а отнюдь не хозяйственно-статистический документ.

В самом начале XVII в. возникла и третья «глава» хроники, рассказывающая о перенесении мощей «старцов» из старых обветшавших гробов в новые — в монастырских пещерах; в конце «главы» указана точная дата описываемого события: «в лето 7108 (т. е. 1600 г.) месяца марта в 7 день» (л. 280 об.).

Приблизительно в это же время была составлена и пятая «глава» — «О крестохождении», излагающая историю сложения чина праздничного «хода» из монастыря в Псков и совершения особых служб в Печерском монастыре и в самом Пскове — в память ухода от стен Пскова войск Стефана Батория, осаждавшего город в 1581—1582 гг. Эта «глава» состоит из трех частей. Первая часть есть по сути копия послания печерского игумена Иоакима псковскому епископу Геннадию, которое датировано 1601 г. («в лето 7109 июня в 4 день — л. 294) и представляет собой своего рода сопроводительную записку к «чину крестохождения», отправленному Геннадию в ответ на его распоряжение (от 24 мая 1601 г. — л. 298 об.) написать устав праздничного служения, «яко да не забвено и не закладно будет родом грядущим во веки» (л. 295) освобождение псковской земли. Вторая часть «главы» — копия ответного послания Геннадия Иоакиму, удовлетворенного работой монастырских составителей «устава». Третья часть, имеющая особый подзаголовок «О крестохождении в чину и уставе писано сие», является заметкой (под 1587 г.) чисто летописного характера, начинающейся словами: «В лето 7095, при державе государя царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси». Далее, со слов: «Еже бысть в нашествие литовскаго краля Стефана Обатура ко граду Пскову и к Печерскому монастырю, тогда сущи во обители. . . в осаде. . . положили обет ходити со святыми иконами пречистыя богородицы и с честными кресты во град Псков ко святей и живоначальной Троицы в седмую неделю по Пасце во вся лета» (л. 297—297 об.) рассказывается о возникновении сразу после ухода Батория традиции празднования победы. Заканчивается «глава» сообщением о том, что через девятнадцать лет после «оного завещания» (т. е. завета потомкам) «в лето 7109 мая в 24 день, в четвертое лето державы Бориса Годунова» (л. 298 об.) владыка Геннадий отправил в Печерский монастырь чин празднования, относящийся к службам непосредственно в самом Пскове и к встрече хода из Печерской обители — «памяти ради прежных родов» (л. 302 об.—303). Любопытно при этом от-

метить, что в геннадиевском «уставе» особо указано требование обязательного своеобразного «напоминания» всем участникам празднования о событиях осады: «. . . а на трапезе да чтется в повести печерской о нахождении литовскаго краля ко Пскову» (л. 302 об.).

Хотя данный раздел хроники имеет дату — 1601 г., можно предположить, что сложиться в виде отдельной «главы» он мог несколько позднее, поскольку упоминание Бориса Годунова как бы вскользь и без обычной царской титулатуры (вещь, согласно средневековому этикету, совершенно немислимая по отношению к здравствующему государю) на первый взгляд служит косвенным указанием на возникновение этой части памятника уже после смерти Бориса в 1605 г., но, вероятно, в самое ближайшее время. Не исключено, однако, что титулатура могла быть удалена из текста и одним из позднейших ее переписчиков, если не редакторов. Скорее всего, мы имеем как раз последнее, так как в следующей, шестой, «главе» хроники есть одно место, где вновь упоминается все тот же ответ Иоакиму Геннадия по поводу «устава» (л. 315), после чего сразу рассказывается об одном из праздничных «ходов» в Псков, датированном 23 марта «нынешнего 111 (т. е. 1603) году» (л. 315 об.).¹⁴ Вероятнее всего, в шестой «главе» использованы фрагменты уже существовавшей к «111 году» пятой «главы» (к тому же одинаковым образом в обеих этих «главах» — притом в совершенно идентичном контексте — упоминается «благий совет» Геннадия — л. 298 об.—299, 303 об., 315). Отсюда можно предполагать, что своего рода мемориальная «глава» «О крестохождении», посвященная памяти воинского подвига псковичей, в основных своих чертах уже сложилась в 1601—1603 гг.

При составлении как пятой, так и шестой «глав», кроме упомянутых посланий, были использованы и какие-то монастырские записи о возникновении самой традиции празднования победы, относившиеся к 1587 г. — дате, указанной, в частности, в начале подглавки «О крестохождении в чину и уставе». Одна из таких записей определяется точно: в более развернутом виде она вошла в состав шестой «главы» «О чудесах», являясь ее «зачалом». Данный раздел хроники начинается словами: «В лето 7095 (т. е. 1587 г.) июня в 1 день». Указанным временем здесь датируется письмо-запрос в монастырь псковского воеводы князя Никиты Романовича Трубецкого о «чудесах» от иконы Успения; упоминанием об этом запросе и начинается шестая «глава». Далее в ней говорится, что «игумен же Мелетий з братьею вопрошания его ради пишут к нему сказание. . . сице» (л. 304 об.), и следует копия ответа Мелетия воеводе (л. 304 об.—306). Именно в этом ответе 1587 г. и рассказывается вкратце о принесении иконы Ус-

¹⁴ В ркп. АМИД, № 399 после описания сорокового «чуда» также упоминается «Отписка Геннадия игумену Иоакиму о крестном ходе». См.: *Серебрянский Н.* Очерки. . . С. 55.

пения в Псков во время осады его Баторием и об установлении «чина крестохождения».

Шестая «глава» представляет собой погодную роспись «чудес» от монастырских икон. Изложение первых восьми «чудес» (л. 305--308 об.), вероятно, и было ответом Трубецкому, являясь начальной редакцией этой «главы», поскольку последующие записи уже относятся к 1590 г. и к еще более позднему времени. Записи эти ведутся в течение всей первой четверти XVII в.: в рукописи Синод.-564 они доходят до 1624 г.¹⁵ Таким образом, «глава» эта составлялась постепенно, начиная по крайней мере с 1587 г., сохраняя достаточное стилистическое единство при практически полном отсутствии личного авторства. Имеющиеся здесь поименные упоминания многих жителей Пскова и его пригородов, а также более отдаленных городов и деревень России (нередко с указанием их профессий и общественного положения) могут представлять известный интерес для историка — в частности, при исследованиях социологического порядка.

Поскольку в третьей «главе» («О преложении. . . старцов», 1600 г.) и в первой половине шестой (до записи о сороковом «чуде», датированном 1603 г.) указываются близкие даты, а пятая «глава», как было показано, скорее всего, также возникла до 1603 г., можно полагать, что эти разделы хроники были составлены в 1601—1603 гг. одним лицом — на основе письменных документов, хранившихся в монастыре, и погодных записей о местных событиях — притом непременно монахом Печерской обители, хорошо знакомым с ее жизнью в описываемый период. Думается, что именно в эти годы происходило очередное наиболее радикальное редактирование все расширяющейся монастырской хроники.

Возникшее уже позднее пятой, но ставшее, однако, четвертой «главой» сводной Повести «Сказание о нашествии иноплеменник» датируется достаточно точно. Эта «глава» состоит из трех литературно почти не связанных друг с другом «подглавок»: первая посвящена нападению на монастырь Лисовского 10—12 февраля 1611 г. (л. 281—282), вторая (имеющая отдельный заголовок «Приход Ходкевичев с литовскими и с немецкими людьми к Печерскому монастырю») рассказывает об осаде монастыря Яном Хоткевичем с 10 марта по 11 мая 1611 г. (л. 282—293 об.), третья лишь вкратце отмечает набег на обитель сына Фаренсбаха, Волмера, 10 февраля 1612 г. (л. 293 об.). Первая и третья подглавки являются простыми заметками летописного характера; вторая же рассказывает об осаде монастыря Хоткевичем самым обстоятельным образом — в жанре воинской повести — и ясно ориентируется на стиль известной «Повести о приходе Стефана Батория

¹⁵ Строев П. М. Библиологический словарь. . . С. 378—379. В нашей рукописи конец утрачен; последнее (53-е) «чудо» датировано началом лета 1608 г.

на град Псков»,¹⁶ а также на стиль двух подглавок второй «главы» рассматриваемого нами монастырского памятника — об осаде Баторием Пскова и Печерского монастыря. Свое литературное оформление в духе летописной вставной «повести» подглавка «Приход Ходкевичев» должна была получить чуть позже, но все равно в самое ближайшее за осадой время.

Отметим, что эта подглавка имеет литературную параллель в части Псковской летописи, где мы находим сходное же повествование — «О нашествии поганые литвы и немец на обитель пречистыя Богородица на Печерской монастырь во Псковской области», в котором явно отразились первоначальные записи, сделанные в самом монастыре, причем интересно, что в летописи они дошли до нас в фактологически более точном и адекватном, хотя и более кратком варианте, чем в «литературной» монастырской версии повествования. Но, несмотря на то, что в монастырском рассказе об осаде присутствует столь характерное для велеречивого стиля второй половины XVI—первой половины XVII в. «многоглаголанье» — в частности, ряд вставных (согласно литературным нормам того времени) молитвенных обращений к Богоматери с просьбами об избавлении от бед, — конкретные события осады излагаются здесь если не более точным, то во всяком случае более обстоятельным образом, чем в Псковской летописи (особенно штурм монастыря); вторичный характер сказания «О нашествии» в составе летописи — по отношению к монастырским записям, послужившим источником и для подглавки «Приход Ходкевичев» — несомненен.

В чем же заключаются, так сказать, некоторые «неточности» монастырского сказания по сравнению с летописным, хотя первое и более насыщено фактами, чем последнее? Главным образом они выразились в своего рода «фигурах умолчания» — в тех случаях, где составитель сказания при изложении событий осады счел полезным убрать некоторые факты (вероятно, все же упоминавшиеся в монастырских летописных заметках, откуда они и перешли в Псковскую летопись), в известной степени выставившие обитель в не совсем выгодном свете: об отсутствии бдительности стражи, не успевшей опустить железные решетки в воротах, о степени паники, поначалу охватившей многих из-за неожиданности нападения и т. п. Одновременно в монастырском рассказе (по сравнению с Псковской летописью) значительно усиливается и религиозно-мистический элемент: так, если в летописи вполне естественным образом объясняется дальнейшая нерешительность уже проникших в обитель врагов — ночным временем и незнанием ее внутреннего расположения, а об их последующем бегстве говорится лишь, что они после молитвы архимандрита Иоакима с братнею «побегоша из града невидимою силою гонимы беша»,¹⁷ то в подглавке «Приход

¹⁶ Научная публикация текста осуществлена В. И. Малышевым. См.: Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков / Подгот. текста и статьи В. И. Малышева. М.: Л., 1952.

¹⁷ ПСРЛ. СПб., 1851. Т. 5. С. 55.

Ходкевичев» враги уже бегут от «дивнаго видения жены пречюдной» с двумя «мужи сонавитвы» (л. 283 об.). Лишь несколько строк посвящено в Псковской летописи штурму обители Хоткевичем; в монастырском же сказании штурм описывается очень подробно (в Погод.-628 — на семнадцати страницах), причем «чудесная» сторона событий приобретает здесь особую значимость — это нашло свое отражение в появлении ряда упоминаний о «видениях»: то трех лучей над монастырем перед началом штурма, то двух «мужей» в Никольском храме, о чем «некто» Василий Кононов поведал впоследствии автору «дивну повесть» (л. 290 об.—292). Все это свидетельствует об активной авторской позиции очевидца осады и составителя сказания, стремившегося всеми способами (впрочем, вполне позволительными для данной эпохи и данного жанра) лишний раз подтвердить общественный престиж обители сразу в двух аспектах — в религиозно-мистическом и военно-патриотическом, которые и были постоянными традиционными лейтмотивами псково-печерской монастырской хроники.

* * *

Обратимся теперь ко второй «главе» сводной печерской хроники, явившейся ее истоком и ставшей основной ее частью, которую только и следует называть собственно Повестью о Псково-Печерском монастыре и в которой наиболее ярко отразился весь длительный процесс сложения и редактирования монастырского исторического свода.

В отличие от Н. Серебрянского, предлагавшего известные ему списки Повести свести к двум редакциям и считавшего относящимся к первой редакции изданный им текст по рукописи Волок.-659 и Тр.-Серг.-679 (с дополнениями по Погод.-1553), а ко второй — полную монастырскую хронику, сейчас мы уже можем говорить о наличии четырех редакций. При этом следует со всей определенностью сказать, что дальнейшее изучение имеющихся списков Повести может выявить лишь только подвиды третьей и четвертой редакции, с незначительными различиями принципиального характера.

Основные этапы сложения Повести прослеживаются весьма четко, и все четыре редакции достаточно хорошо отличимы друг от друга. Н. Серебрянскому, к сожалению, осталась неизвестной рукопись Погод.-643 (ГПБ), XVI в., представляющая собой сборник агиографического характера, где на листах 178 об.—191 об. помещен список наиболее краткой — начальной — редакции рассматриваемого нами памятника, имеющего в данном случае название (типа «зачала») «Повесть о Печерском монастыри» иже в Пскове, и о явлении же сего святого места поведают сице». Изданные Н. Серебрянским тексты трех списков Повести (первая редакция — по его классификации) явно вторичны по отношению к тексту по списку Погод.-643 и существенно отличаются от последнего — как полнотой содержания, так и чисто композиционно.

Посмотрим, в чем же заключается это различие.

В начальной редакции нет столь обычного для подобных памятников более или менее развернутого вступления — кроме краткого «зачала», внесенного, как мы видим, прямо в заглавие, за которым сразу начинается рассказ об открытии в лесу места будущего монастыря: «Человек некий бе именем Селиша. . .». Далее следуют воспоминания очевидца (т. е. самого Селиши) о том, как он вместе со своим отцом нашел во время охоты «чудное место», как эту землю приобрел некто Иван Дементьев, открывший вскоре «богом созданную» пещеру, и как об этом стало известно по всему псковскому краю. Затем мы узнаем о приходе к пещере священника из Юрьева Иоанна Шесника, родом москвича, и о начале создания им церкви в горе. Параллельно рассказывается о болезни и смерти его жены и о последующем принятии им монашества. Рассказ ведется весьма просто и деловито, без каких-либо литературных шаблонных «прикрас». За этими событиями следуют: освящение пещерной Успенской церкви в 1473 г.; принесение Дементьевым в дар монастырю земли; смерть инока Иоанна-Ионы; строительство старцем Мисаилом деревянной церкви во имя Антония и Феодосия Киево-Печерских (здесь же упоминается об «убогой» жизни монахов в этот период); набег «немцев» на обитель и их отступление, вызванное «чудесным» явлением огня в церкви, «попаляющего» врагов (тут же повествуется и о «видении» этого огня Иваном Долгим, подъезжавшим в тот момент к монастырю). Заканчивается Повесть описанием периода, ближайшего к моменту ее составления, когда через 13 лет после «взятия псковского» московским великим князем — дабы «стражушим людям» и «земле псковской» «неотчюждену быти от божиих даров, яко вся земля русская» — игумен Дорофей вместе с московским дьяком Мисюрем Мунехиным расширил пещерную церковь, вновь освятив ее в 1523 г., а также поставил деревянную трапезную церковь во имя Сорока мучеников.

Для начальной редакции Повести характерны ссылки на свидетельства поименно указанных очевидцев событий, почти летописная краткая констатация фактов с указанием точных дат и отсутствие каких бы то ни было «общих мест» в духе традиционного агиографического жанра. При этом рассказ о последнем периоде жизни обители (при игумене Дорофее) имеет в своей основе явно личный опыт автора, скорее всего бывшего в эти годы печерским монахом, на себе испытывавшим все тяготы неустроенной еще монастырской жизни. Забегая несколько вперед, сразу скажем, что автор «Повести» (как указано в редакциях типа Погод.-1553) — монах Корнилий, ставший около 1529 г. печерским игуменом.

Сравнение текста Погод.-643 с текстами, изданными Н. Серебрянским, показывает, что в этой рукописи сохранилась оставшаяся ему неизвестной краткая первая редакция Повести; текст же по Волок.-659 или по Тр.-Серг.-679 имеет уже много уточняющих дополнений и редакторски более «отшлифован» — последнее, очевидно, вызвано тем, что своеобразная монастырская «летопись»,

становясь все более популярной в читательской среде, требовала более четкого своего оформления в жанре традиционного сказания-«повести». В связи с этим название памятника уточняется стилистически (в Волок.-659: «Повесть о пачале Печерского монастыря») и, так сказать, «географически» (в Тр.-Серг.-679: «О Печерском монастыре во Пскове»). Во второй редакции (по Н. Серебрянскому — первой) уже появляется значительных размеров вступление — о необходимости сохранить в памяти («да не придут во глубину забвения») основные этапы истории обители, рассказав о них на основе известных автору конкретных фактов — «испытываше от старых человек и ту живших близ монастыря», «ничтоже вписах от своего ума, еже не бе, но еже бысть и бывает». Последнее представлялось автору тем более важным, что о возникновении монастыря уже говорили «ов сице», а «иш инако». Любопытно, что здесь мы находим и косвенное упоминание составителя Повести о себе как об игумене Печерского монастыря, когда он говорит, что Повесть было поручено ему написать «по разсуждении» всей братии и по благословению «иже преж мене бывших zde игумен и священноинок Дорофея и Герасима». Вслед за вступлением следует краткий «зачин», вычлененный из прежнего заглавия Повести, и начинается уже известный нам рассказ Селиши: «О явлении первее сего святаго места поведают сице: человек бысть некий. . .» и т. д. Вслед за этим идет текст, в целом сходный с текстом начальной редакции, но имеющий все же ряд некоторых разночтений с ним. Важнее, однако, то, что здесь появляется ряд вставок фактологического рода, свидетельствующих как о непрекращающейся «историко-исследовательской» работе автора, так и о том, что после составления первой редакции прошло уже несколько лет. Так, в частности, после упоминания об игумене Мисаиле говорится, что потом и «иныя игумена быша»; более подробно описывается «убожество» тогдашней монастырской жизни; сообщается об избрании Дорофея во игумены шестью «братиями». Здесь же мы узнаем о «многих же труды и поты» в деле строительства обители и о милостынях, на которые «древделей наймоваша». Только во второй редакции появляется и упоминание об уходе со своих постов игуменов Дорофея (игумен в 1523—1525 гг.) и Герасима (игумен в 1526—1528 гг.) — «от неких враждолюбцев и зломысленников». Наконец, в этой редакции мы находим новые вставки: о «чудесном» огне и пении в церкви (на основе ставшего известным автору монастырского предания, связанного с именем некоего Захарии Кляпина или Калпина), о растущей славе монастыря и о приходе к нему «множества народа». Отметим также, что имевшееся в начальной редакции упоминание о «взятии» Пскова теперь снимается и заменяется более «обтекаемым» сообщением о пребывании великого князя Василия Ивановича «в своей отчине, во Пскове». Заканчивается рассказ благодарением Святой Троицы. Последние строки второй редакции указывают дату ее создания: «Написана же бысть сия повесть в лето 7039 (т. е. 1531 г.) при державе государя великого

князя Василия Ивановича всея Руси и при архиепископе великого Новаграда и Пскова владыке Макарии».¹⁸ Как видим, упоминание Корнилием «преж мене бывших» игуменов вполне соответствует датирующей вторую редакцию концовке Повести — ведь сам Корнилий стал игуменом лишь в 1529 г.

Отсутствие в начальной редакции каких бы то ни было свидетельств об уходе Дорофея и Герасима, а также подчеркнутое сравнение во второй редакции «убогого» еще состояния монастыря «при их игуменстве» с улучшившимся его положением при Корнилии («ныне же милостию великого князя жалованием хлебом доволни»), определенно показывающее, что между обеими редакциями прошло какое-то время, позволяют утверждать, что начальная Повесть возникла еще при игумене Дорофее (до начала монастырских раздоров из-за «враждолюбцев»), т. е. не позднее 1526 г. — времени, когда Дорофей перестает быть игуменом; Корнилий же в этот период является еще простым монахом. Отметим при этом, что в начальной редакции уже рассказывается о первых «чудесах», начавшихся «по освящении же великия церкви на второе лето», т. е. через год после освящения в 1523 г. расширенного Успенского храма, иначе говоря — в 1524 г. Отсюда можно сделать вывод о создании первой редакции Повести, так сказать, сразу «по свежим следам» событий монастырской жизни — равно как исторического, так и легендарного характера — около 1525—1526 гг. На это же косвенным образом указывает имеющееся во второй редакции свидетельство автора о том, что на начало работы по составлению Повести он получил благословение еще от игумена Дорофея.

В принципе ко второй редакции, но, возможно, к другому, несколько расширенному ее виду, следует отнести и текст Погод.-1553, также опубликованный Н. Серебрянским. Любопытно, что если мы сопоставим оба вида редакции 1531 г. с начальной, то заметим, что непосредственно по своей литературной ткани второй вид более ей близок, чем первый; промежуточный же первый вид странным образом оказывается менее аутентичным. Здесь можно предположить, что первый вид (например, по списку Волок.-659) мог появиться вследствие привлечения Корнилием (ставшим уже игуменом) к работе над текстом Повести какого-то помощника, пополнившего начальную редакцию новыми фактами, но несколько свободно обобедшегося с корнилиевским текстом начальной Повести.¹⁹

Напротив, второй вид второй редакции (по Погод.-1553) несет на себе явные следы полностью авторской, Корнилиевой, обработки. Вероятно, возвращение Корнилия к дальнейшей «шли-

¹⁸ *Серебрянский Н.* Очерки. . . С. 551.

¹⁹ Известно, в частности, что составлением Псковской летописи с середины XVI в. по 1567 г. занимался старец Печерского монастыря Вассиан Муромцев, при общем редактировании ее игуменом Корнилием. См.: *Творогов Л. А.* Вновь открытая летопись // Псковская правда. 1945. № 224; *Псковские летописи / Под ред. А. Н. Насонова.* М., 1955. Вып. 2. С. 6.

фовке» текста было вызвано необходимостью ознакомить наиболее подробным образом с новыми данными по истории монастыря какого-то близкого ему «христолюбца», уже ранее «понуждавшего» печерского игумена на написание Повести и на «испытание» всех свидетельств о монастырских событиях. Обо всем этом мы узнаем из концовки данного списка, где имеется уже не только дата создания этой редакции, но и точное указание на авторство самого Корнилия: «А писал сию повесть Корнилей, игумен пещеры лпвонския, еже есть во Пскове, того же монастыря богородицына». Здесь же, кроме того, дается краткое описание Успенского храма и рассуждение о погребении в пещерах — в ответ на запрос корреспондента: «Что ради смрада не бывает от ту положенных?». Во втором виде второй редакции впервые появляется и значительная вставка (сразу после авторского вступления — по тексту того же, что и в первом виде) о первом печерском старце Марке, жившем, по преданию, в «богозданной пещере» еще задолго до основания монастыря; при этом отметим характерное проявление своего рода «историко-научной» этики автора, подчеркивающего, что он «не могохом обрести, каков бяше старец он и коего рода человек, или како в сие место прииде и колико время поживе и како скончася» и что о Марке ему известно лишь со слов других, в свою очередь передавших ему «сказания им того Ионы священноинока». Далее события излагаются с той же полнотой, что и в первом виде, но текстологически второй вид, как уже отмечалось, аутентичнее: вероятно, Корнилий был не совсем удовлетворен работой своего помощника и потому при подготовке Повести к отсылке неизвестному нам «христолюбцу» вновь исправил ее текст на основе начальной редакции, завершив его своего рода сопроводительной запиской адресату.

В связи с указанным авторством Корнилия следует заметить, что совершенно необоснованным представляется утверждение Н. Серебрянского о возникновении редакции списка Погод.-1553 уже после смерти этого игумена; к тому же в подтверждение своего мнения исследователь не приводит никаких фактов.²⁰ Возможно, что поводом к такому утверждению Н. Серебрянского послужило неверно понятое им упоминание (в «сопроводительной записке») о некоем игумене, расширившем пещеру-гробницу, о котором говорится здесь в явно прошедшем времени и которого исследователь ошибочно мог отождествить с Корнилием. Однако из контекста (в рассказе об обретении гроба Марка) следует, что перестройка пещерной «гробницы» была сделана Дорофеем (ср.: «игумену Дорофею восхотевшу гробницу большую соделати»), причем произошло это уже в период пребывания в обители самого Корнилия, который, вспоминая о тех временах, пишет: «. . . а прежде нас та была пещера тесна и уска», тут же уточняя: «. . . то место, идеже гробницы Дорофея» (т. е. погребальные пещеры, выкопанные в горе по распоряжению игумена Дорофея. — Ю. М.);

²⁰ *Серебрянский И.* Очерки. . . С. 60—61.

о нем же говорится и в продолжении этой фразы: «. . . и убо игумен (т. е. Дорофей, а отнюдь не Корнилий. — Ю. М) к той богозданной пещере прикопав много, устроил пространно ея». Вполне вероятно, что и сам Корнилий принимал участие в этих работах — особенно если учесть, что «братиям же тогда» в монастыре всего «шестим суще»; с тем большим правом он мог писать в своей Повести: «преже нас».

Относительно второй редакции Повести можно предположить, что процесс ее оформления был постепенным — на это как будто указывает существование еще одного «побочного» ее варианта, дошедшего до нас в рукописи Погод.-1576. В данном варианте мы уже встречаем фрагменты текста Повести, которых еще нет в Волок.-659 и в Тр.-Серг.-679, но которые имеются в Погод.-1553. В то же время в этом варианте еще отсутствует расширенное вступление, характерное для рассмотренных выше обоих подвидов второй редакции, в том числе и Погод.-1553. Кроме того, в отличие от них Повесть по списку Погод.-1576 и начинается несколько иначе: «О Печерском монастыри и о чудесех Богородицынех. Слышахом от неких убо в повестех обносимо. . .» (л. 150), т. е. сразу теми словами, что в Погод.-1553 следуют (см. л. 166) лишь за «вступлением»; в списках же Волок.-659 и Тр.-Серг.-679 «блок» текста «Слышахом от неких. . .» вообще отсутствует.

Третья редакция Повести была составлена гораздо позже — уже после смерти Корнилия и, вероятно, сразу же вскоре после осады в 1581 г. Пскова и Печерского монастыря войсками Стефана Батория. Эта редакция отличается гораздо большими историческими масштабами, имеет ряд вставок, частью хроникального, частью легендарного характера и по сути является в значительной степени новым памятником по отношению к Корнилиевой повести. Меняется и ее литературная форма (в местах дополнений), отходящая от более строгого и сдержанного стиля Корнилия; в ней явно проступает стремление к большей назидательности и беллетризации — в духе одновременно жанра агнографического и жанра воинской повести-сказания. Эта редакция явилась переходной к окончательной — четвертой, и, скорее всего, списков ее должно сохраниться немного. В частности, мы обнаружили список третьей редакции в составе позднего старообрядческого рукописного сборника конца 30—40-х годов XIX в.²¹ По-видимому, редакция эта представляет собой начальный вариант полной редакции, составленной, как известно, вскоре же иноком Григорием; возможно, и этот вариант был создан им же, хотя со всей определенностью утверждать этого нельзя.

²¹ Находится в частном собрании И. А. Пяткина в Москве. Рукопись в 8-ку, все тетради пронумерованы (38 тетр.), листы пронумерованы лишь до 225 л. Имеются филигранные северных фабрик, в частности вологодской мануфактуры Мартыановых и Белозерских, 1820 г.; позднейшая из дат среди водяных знаков — 1834 г. В состав сборника также входят «слова» на богородичные праздники (в том числе на празднования икон), «Звезда пресветлая», «Повесть о царице и львице».

Особенности третьей редакции заключаются в следующем. Во-первых, она приобретает более расширенное заглавие: «Повесть списана о Печерском монастыре, иже во псковской земли и о первом старце Марке печерском и о явлении вкратце и о чуде-сах от иконы Пречистыя Богородицы честнаго и славнаго ея Успения и о избавлении града Пскова и обители Печерския в нашествии безбожнаго короля Степана». Во-вторых, составитель отбросил авторское вступление Корнилия, так что Повесть начинается сразу с рассказа о старце Марке. Здесь же в уже знакомом тексте Корнилиевой второй редакции мы обнаруживаем новые вставки летописного характера: в связи с упоминанием об Иоанне-Ионе, пришедшем из Юрьева, рассказывается (на основании данных Псковской летописи) о мученичестве священника Исидора «и иже с ним» юрьевских мучеников, пострадавших «от латын»; появляется заметка о написании для обители иконы Успения «в житии» Алексеем Малым в 1521 г. (перед расширением пещерной церкви) и об «обложении златом» этой иконы Иваном Грозным, а также о других его «пожалованиях» монастырю после казни им игумена Корнилия. Довольно подробно сообщается о духовно-просветительской и строительной деятельности Корнилия и (весьма кратко) об убиении его Иваном Грозным, жертвой чьей подозрительности он стал в 1570 г.

В третьей редакции имеются и некоторые композиционные изменения: в частности, эпизод с «видением» чудесного света над обителью Иваном Долгим переносится в раздел о «чудесах» и исцелениях, связанных с освящением Успенского храма. Но важнее всего то, что здесь впервые появляются два дополнительных сказания — «О пришествии короля Степана (так в ркп. — Ю. М.)» и «О приходе литовских людей и о приступех к Печерскому монастырю».²²

Текст первого сказания в основном сходен с идентичным разделом Повести о Псково-Печерском монастыре, изданным ранее В. И. Малышевым (по рукописи БАН, 31.6.27, конец XVI в.) в качестве приложения к известной Повести о приходе Стефана Батория на град Псков — при публикации текста последней.²³ К сожалению, им тогда были опущены два фрагмента рукописи БАН, 31.6.27, имеющиеся, кстати, и в старообрядческой рукописи: о «знамени» у Черехского моста, якобы предвещавшем будущие войны,²⁴ и о явлении Богоматери псковскому кузнецу

²² Название первого сказания выделено в тексте рукописи кинovarными буквами, название второго проходит в сквозном тексте, где, рассказывая о некоем таинственном воеводе, днем и ночью ездившем на коне по городской стене, «строшае граду ополчение», составитель продолжает: «о сих же много в повестех слово глаголют и о приходе литовских людей и о приступех. . .» и т. д. Окончание второго сказания в этом списке опущено.

²³ Повесть о приходе Стефана Батория. . . С. 109—111.

²⁴ Рассказ об этом же «знамени» мы находим и в Псковской летописи, что лишний раз свидетельствует о хорошем знании автором местного летописного свода. См.: Псковские летописи. . . С. 250.

(вариант так называемого «видения Дорофея»)²⁵ Наш список даже чуть полнее: так, если в рукописи БАН, 31.6.27 нет, например, упоминания о явлении «жены чудной», охранявшей град, то в указанном списке третьей редакции рассказ об этом присутствует.²⁶

В четвертой редакции Повести (по Казанск.-609/Солов.-671) два «осадных» сказания («О приходе польского короля ко граду Пскову ратию» и «О приходе литовских людей к Печерскому монастырю и о победе на них» — л. 250 об.—279) имеют более развернутый вид. Так, например, после рассказа о «знамении» у Черехского моста появляется вставка о видении трех лучей над «Довмонтовой оградой» (л. 251 об.), а чуть далее — вставка о «гласе, свыше глаголющу» «начальному воем пяти сот стрелец Михаилу Косицкому» о необходимости взорвать Свинускую башню (л. 257 об.), т. е. мистический элемент здесь еще более усилен в сравнении с редакцией предыдущей. В то же время в четвертой редакции ясно проступает и стремление автора усилить читательское доверие к нему путем более развернутых ссылок на источники. Так, если в третьей редакции, передавая рассказ о «видении Дорофея», он говорит, что об этом «поведа нам некто мних обители Печерския именем Митрофан и инии мнози» (тетр. 37, л. 4), то в четвертой редакции мы уже читаем: «. . .яко же поведаша нам печерский игумен Тихон и келарь Арсений Хвостов и демественник Ферапонт и писанием некто певец Митрофан» (л. 252—252 об.), т. е. лица, принимавшие непосредственное участие в осаде (как это следует из контекста сказания).

В большинстве списков четвертой редакции имеется авторская «подпись» ее составителя (в Казанск.-609/Солов.-671 она отсутствует); например, в рукописи АМИД, № 470 текст «подписи» следующий: «Собраны же сия три повести²⁷ от многих скудная по благословению господина Тихона, архиепископа Казанского, понужением Печерского монастыря еkkлeсиарха аввы Исаия, с ними свидетельством тоя обители игумена Никона, труды же и списанием их леностного послушника, именем букв численных слогу: третьему сотое с осьмым, паки же и с третьим семь

²⁵ Редакция «Видения Дорофея» в составе печерской Повести значительно отличается от редакции, опубликованной В. И. Малышевым по отдельному списку конца XVI в. (ГИМ, № 3607). См.: Повесть о приходе Стефана Батория. . . С. 112—113. Интересно, что в монастырской редакции «видения» более подчеркивается роль обители в осаде, несколько изменен и расширен текст с молитвенными обращениями святых к Богородице, конкретные же реали (указания, данные Богоматерью о местах постановки душек, названия орудий и т. п.) предельно сокращены, и в целом текст имеет более обобщенный характер.

²⁶ По отношению к рукописи БАН этот фрагмент должен был бы следовать за словами: «благословен господь, иже не даст нас в ловиту зубом их». См.: Повесть о приходе Стефана Батория. . . С. 111.

²⁷ Этим «трем повестям» соответствует в Казанск.-609/Солов.-671 вторая «глава».

десятое, сотое же паки с десятым и тысящное» (т. е. Григория. — Ю. М.) (л. 372).²⁸

Указанные в «подписи» имена лиц, памятных в истории Печерского монастыря, причем в тот момент явно здравствующих, дают возможность достаточно точно определить время сложения расширенной четвертой редакции Повести (впоследствии, впрочем, и эту редакцию продолжали править и дополнять, но лишь в весьма незначительных деталях). Известно, что Никон был игуменом Печерского монастыря с 1584 (или даже с конца 1583 г.) по 1586 г. включительно, а предыдущий игумен обители Тихон (участник обороны Пскова в 1581 г.), став вскоре архиепископом Казанским, правил своей епархией с 1583 по 1589 г.²⁹ Отсюда можно утверждать, что эта редакция была составлена в период с 1584 по 1586 г.

Довольно точная дата возникновения четвертой редакции позволяет определить и возможную дату составления третьей, которая могла возникнуть естественно только после окончания осады монастыря, т. е. не ранее 1582 г. (поскольку мир с Баторием был заключен в январе этого года, а ворота Пскова были открыты только 4 февраля), но и не позже ближайшего же года или двух лет, после чего Повесть получает уже свою четвертую редакцию. То, что третья редакция была создана, скорее всего, именно в 1582—1583 гг. подтверждается и тем, что, как отметил еще Н. Серебрянский, в рассказе о «видении Дорофея» сообщается о получении автором сведений об этом событии от «самого игумена Тихона», т. е. тогда, когда последний еще не стал казанским архиепископом, что произошло уже в 1583 г.

Исходя из сказанного, следует заметить, что представляется отчасти сомнительным утверждение В. И. Малышева о тексте «Видения Дорофея» (существующем и в отдельных списках) как непременно о «первом по времени письменном литературном памятнике об осаде Пскова». ³⁰ Присутствие «Видения» уже в третьей редакции монастырской Повести, так же как и имеющееся здесь указание на то, что о самом событии было рассказано автору печерским «мнихом» Митрофаном, позволяет высказать предположение о литературном (письменном) оформлении этого крат-

²⁸ Буквенная тайнопись расшифровывается следующим образом: 3=Г, 100=Р, 8=И, 3=Г, 70=О, 100=Р, 10=I, 1000=А, т. е. «ГРИГОРИА». Печерский инок Григорий, вероятно, был одним из ведущих литературных деятелей Пскова последней четверти XVI в.; им же составлена распространенная редакция так называемого Василиева жития псковского князя Всеволода-Гавриила. О Григории см.: *Серебрянский Н.* Древнерусские княжеские жития: Обзор редакций и тексты. М., 1915. С. 280; *Охотникова В. И.* Повесть о псковском князе Довмонте: (к вопросу об источниках и авторе Распространенной редакции) // ТОДРЛ. Л.; 1979. Т. 33. С. 261—278.

²⁹ После Никона игуменом стал (по П. М. Строеву — в 1586 г.) Мелетий, упоминаемый под 1 июня 1587 г. в Казанск.-609/Солов.-671, л. 305. О Тихоне, предшественнике игумена Никона, см.: *Серебрянский Н.* Очерки. . . С. 18; *Амеросий, епископ (Орнатский).* История Российской иерархии. 1807. Ч. 1. С. 99; *Строев П. М.* Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. СПб., 1877. С. 287, 385.

³⁰ Повесть о прихождении Стефана Батория. . . С. 30.

кого фольклорного памятника в Печерской обители — причем одновременно с возникновением монастырской же версии сказания об осаде Пскова. Это тем более вероятно, что сам В. И. Малышев отметил появление «Видения Дорофея» в тексте изданной им другой — немонастырской — «Повести о приходе литовского короля Степана» лишь в третьем виде основной редакции последней (в несколько иной подаче, чем в сказании монастырском).³¹

Вызывает сомнение и утверждение В. И. Малышева о том, что текст немонастырской «Повести о приходе» послужил «источником сведений при изображении осады Пскова в Повести о Псково-Печерском монастыре» и что «рассказ об обороне города в этой монастырской летописи — пересказ нашей Повести».³² Скорее всего, оба эти памятника возникли параллельно и приблизительно одновременно — на основе устных рассказов, воспоминаний очевидцев и летописных записей, как монастырских, так и городских. Известно, что именно в Печерском монастыре летописная традиция существовала еще со времен игумена Корнилия, под руководством которого был составлен так называемый Строевский список (свод 1567 г.) Псковской летописи, продолженной в монастыре чуть ли не до середины XVII в. (список Архивский 2-й).³³ Различная степень насыщенности конкретными фактами обеих Повестей может быть объяснена не тем, что составитель монастырского варианта слабо знал эти факты и просто «переписывал» свидетельства о них из «светского» варианта, а тем, что он преследовал в значительной степени иные цели, чем автор последнего. Печерский инок составлял не эпическую, более или менее объективированную хронику, а назидательно-апологетическую «историю», так сказать, «житие» целого монастыря — хотя и в агиографическом жанре, но на военно-патриотическую тему. Известная двойственность такой авторской позиции сказалась и в своеобразном «двоении» литературного стиля: наряду с живым описанием событий осады (особенно осады монастыря, свидетелем которой был сам автор) мы встречаем в нашей Повести и менее выразительные, традиционные агиографические штампы, время от времени вкрапляемые автором в основное течение рассказа.

³¹ Там же. С. 116—117.

³² Повесть о приходе Стефана Батория. . . С. 27—28.

³³ Псковские летописи. М., 1955. Вып. 2. С. 6—7. Заметим здесь, что в начальной «корнилиевской» редакции Повести и в псковских летописях имеется немало параллелей (даже в чисто литературном отношении); то же самое можно сказать и о «григориевской» редакции — например, о славе монастыря в Псковской I летописи говорится: «И начаша быти отголе монастырь Печерской славен, не токмо в Руси, но и в латыне, реке в немецкой земле, даже и до моря Варяжска». См.: Псковские летописи / Под ред. А. Н. Насонова. М.; Л., 1941. Вып. 1. С. 101; в Повести, в конце сказания об осаде монастыря, читаем: «Прослу же монастырь той Печерский. . . во всю скифскую страну и немекция острова и по Варяжскому морю и даже и до Рима. . .» (л. 272 об.—273). Взаимозависимость псковских летописей и Повести может стать темой специального исследования.

При разработке четвертой редакции «Повести», помимо включения в нее подглавок об осаде, составителем были внесены значительные изменения и в первую ее половину, посвященную истории обители до «прихожения» Батория. В «григориевской» редакции Повесть получила новое вступление, начинающееся словами: «По воскресении господа нашего Иисуса Христа и по вознесении его на небеса. . .», в котором проводятся параллели «метаисторического» порядка — между апостолом Марком, Марком «благодаривым», Марком Киево-Печерским и Марком Псково-Печерским. Появляется и ряд новых вставок: рассказ игумена Никона о Корнилии, поначалу вычеркнувшем псково-печерского Марка из монастырского поминального сподлика и за это наказанного «тяжкой болезнью»; эпизод с монахом, пытавшимся стереть надпись с пещеры — о ее «богозданности»; своеобразная новелла о «чуде» с утопленником, переставшим «смердеть» после того, как его положили в пещере, — т. е. дополнения в чисто агиографическом духе. Но наряду с этим мы узнаем и немало новых исторических фактов: уточняются размер и характер земельных дарений монастырю, дается список игуменов до и после Корнилия, а также расширенная биография последнего.

Вероятно, инок Григорий составлял свою Повесть на протяжении значительного периода времени, постепенно дополняя как Корнилиев текст, так затем и свой собственный. То, что четвертая редакция могла пополняться им же и далее, подтверждается присутствием в ее списках (например, в Казанск.-609/Солов.-671 и АМИД, № 399) панегирика пещерам, с дополнительным рассказом о впечатлении, произведенном случаем с утопленником на епископа Геннадия, ставшего псковским архиереем лишь в 1593 г.³⁴

Любопытно, что отдельные фрагменты Григориева «Сказания об осаде Пскова» использовались в дальнейшем (в виде комментариев) и в других, позднейших «главах» монастырской хроники. Так, например, два рассказа: один — о «чуде» с вражескими ядрами, падавшими перед иконой Богоматери «Умиление», «яко повинны» (Казанск.-609/Солов.-671, л. 258—258 об.), другой — о явлении «пресветлой жены», ходившей по стене града (там же, л. 259—259 об.), — вставлены в «главу», возникшую в 1602/1603 г.: «Монастырь. . . в долу меж горех» (при описании иконы «Умиление» — л. 225—226).³⁵

Таким образом, рассмотренный нами памятник являет собой сложное многоплановое произведение сводного характера, получившее окончательный свой вид в начале XVII в., в то время как основная его часть — собственно Повесть — была завершена в своих главных чертах в конце 80-х—начале 90-х гг. XVI столе-

³⁴ О Геннадии см.: *Амвросий, епископ (Орнатский)*. История Российской церкви. С. 125.

³⁵ Отражение текста сказания об осаде в тексте описания монастыря 1602/1603 г. лишний раз показывает, что сказание это успело полностью оформиться как неотъемлемая часть четвертой редакции еще в конце XVI в.

тия. Но если полная хроника представляла в общем чисто местный интерес, то Повесть быстро приобрела общерусское значение: в качестве отдельного самостоятельного сказания она встречается во многих сборниках исторического содержания. Ярко звучащая в этом памятнике патриотическая тема и связь некоторых его частей с жанром воинской повести обеспечили ему особую читательскую популярность как в тяжелейшую эпоху Смуты, так и сразу же вслед за нею: недаром «Повесть о Печерском монастыре» чаще всего встречается в сборниках рядом с такими известными памятниками, как Повесть о взятии Царьграда турками, Повесть об осаде Смоленска и Сказание Авраамия Палицына. Не всегда «ладно», но всегда «крепко» творивший свою историю народ, вчитываясь в посвященные этой истории летописи и сказания, как бы вновь и вновь с надеждой всматривался в самого себя, ища в запечатленном на их страницах потоке своей жизни, а значит и в самом себе, в духовных своих основах, высшей правды всех былых «мятежей и нестроений» и всегда находя искомое.

То, что Повесть о Псково-Печерском монастыре, со всеми разновременными ее «главами», столь придающими ей характер монастырской хроники, была создана именно в этой обители, равно как и тот знаменательный факт, что ни один другой псковский монастырь не оставил нам литературного памятника подобного рода, представляется вполне закономерным. В значительной степени это есть следствие того живого интереса к историческому знанию, что постоянно — на протяжении XVI да, пожалуй, и XVII столетия — продолжало быть отличительной чертой всех церковных писателей, трудившихся над составлением хроники в стенах Печерского монастыря.

Какие-то события монастырской жизни (особенно времени основания обители) должны были быть зафиксированы письменно еще до появления первой редакции Повести. Включенные в ее состав, наряду с устными свидетельствами очевидцев, записанными Корнилием, подобные (летописного типа) заметки изначально определили фактологически весьма точную, сугубо летописную направленность этого коллективного литературно-исторического труда. Такая направленность представляется тем более естественной, что в XVI—XVII столетиях именно в Печерском монастыре сохранялась и продолжала развиваться давняя псковская летописная традиция. Недаром (как уже говорилось выше) игумен Корнилий и его помощник печерский старец Вассиан Муромцев составили здесь известный псковский летописный свод 1567 г., который велся затем в монастыре по крайней мере до середины XVII в. Неудивительно поэтому, что и создававшаяся на протяжении более столетия монастырская повесть-хроника обладает достаточно определенными чертами «летописности», причем Корнилиева «историческая» традиция была продолжена в ней не только агиографом Григорием — в конце XVI в., но и другими печерскими иноками (возможно, игуменами Мелетием и Иоакимом) — вплоть до монаха

Питирима, занимавшегося упорядочением материалов хронки в 1692 г.³⁶ Вообще все авторы и редакторы Повести, по-видимому, хорошо ориентировались в национальном «историческом пространстве», будучи в целом достаточно осведомленными в отечественном летописании: так, известно, что при составлении свода 1567 г. Корнилий и Вассиан пользовались материалами общерусского летописного свода, составленного еще в 1470-х гг. в Псковском Снетогорском монастыре;³⁷ чуть позже явное знакомство с новгородским летописанием обнаруживает инок Григорий.³⁸

Все это самым естественным образом объясняется тем, что какие-то летописные своды (помимо Псковской летописи) хранились некогда в самом Печерском монастыре — в его библиотеке, к сожалению, полностью до нас не дошедшей.³⁹ Библиотека эта содержала в основном богослужебные книги; имелся здесь и книги по аскетике, но тут же хранились и архивные документы обители, в том числе различные «послания»,⁴⁰ «описи» (начиная по крайней мере с середины XVI в.),⁴¹ «кормовые книги» (для «отпра-

³⁶ См. рукопись Смолен. краевед. музея, № 8 (9911), л. 1—82. Питирим, в частности, дополнил хронику сообщением о событиях 1690 г., связанных с перенесением мощей пгумена Корнилия из братских погребальных пещер в Успенскую соборную церковь.

³⁷ См.: *Творогов Л. А.* Вновь открытая летопись.

³⁸ *Озотникова В. И.* Повесть о Довмонте. Л., 1985. С. 136.

³⁹ В известной монастырской «Описи 1586 г.» среди 172 книг печерской библиотеки упоминаются такие сочинения исторического характера, как «Летописец ветчан русский» и Палея; также и в «Описи книгам в степенных монастырях» 1653 г. (ЧОИДР. 1848. № 6. С. 31—32) отмечены новгородская, псковская летописи и Хронограф — хранившиеся тогда в Псково-Печерском монастыре. О печерской «книжности» см.: *Петулов Е. В.* О некоторых исторических и литературных фактах, связанных с именем Успенского Псково-Печерского монастыря в XVI и XVII вв. // Тр. X Археол. съезда в Риге, 1896 г. М., 1899. Т. 1. С. 256—263; *Зарубин Н. Н.* Очерки по истории библиотечного дела в Древней Руси // Сборник Российской Публичной библиотеки. Пг., 1924. Т. 2, вып. 1. С. 213 (здесь им и указано упомянутое выше число книг печерской библиотеки — по данным «Описи 1586 г.»); *Безунов Ю. К., Палченко А. М.* Описание древнерусских рукописных и старопечатных книг Научной библиотеки Тартуского гос. университета // Ученые записки ТГУ (Тр. по русской и славянской филологии, III). Тарту, 1960. Вып. 98. С. 299—308; *Розов Н. Н.* Заметки о рукописных книгах из библиотеки Псково-Печерского монастыря // Археограф. ежегодн. за 1972 г. М., 1974. С. 259—263; *Шаповская Т.* Печерские раритеты // Альманах библиофла. М., 1983. № 15. С. 83—88.

⁴⁰ Например, в известных «печерских сборниках» до нас дошли тексты сохранявшихся в монастыре посланий князя Курбского Ивану Грозному и старцу Вассиану («записка»). См.: *Скрынников Р. Г.* Курбский и его письма в Псково-Печерский монастырь. ТОДРЛ. М.; Л., 1962. Т. 18. С. 101—113; Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / Отв. ред. Д. С. Лихачев. М., 1981. С. 251, 263—273, 316—320 и др. Некоторые послания из монастырского архива вошли непосредственно в текст Повести — это, как мы видели, материалы переписки печерских пгуменов с псковскими церковными и светскими властями; в некоторых списках «Повести» цитируется и послание Стефана Батория в осажденный его войсками монастырь.

⁴¹ См.: Псковский Печерский монастырь в 1586 году.

вления памяти» вкладчиков),⁴² перечни настоятелей,⁴³ синодики.⁴⁴

Помимо летописей и различных документов в печерском книгохранилище несомненно присутствовали и какие-то сборники исторического (частью — агнографического) содержания — недаром именно из Печерского монастыря происходит ценнейший список XV в. «Слова о погибели Русской земли» (вместе с «Повестью о житии Александра Невского»); в этом же монастыре, в частности, был обнаружен один из списков XV в. «Сказания о Борисе и Глебе».⁴⁵ Позволительно также предположить, что здесь когда-то имелся и список «Киево-Печерского патерика», так как еще Н. Серебрянский указывал на явные следы знакомства составителей псковской Повести с текстом Патерика.⁴⁶

Все эти свидетельства довольно развитого «литературного быта» Псково-Печерской обители (закономерным следствием чего и явилось создание в ее стенах повести-хроники) позволяют утверждать, что именно этот монастырь в XVI—XVII столетиях был наиболее значительным центром псковской книжности, продолжавшим и в жестких нивелирующих условиях общерусской государственной централизации весьма долго (по сути до эпохи петровских преобразований) сохранять черты местного духовного своеобразия и местную историко-литературную традицию.

Ниже публикуются три литературных памятника, связанных с Псково-Печерским монастырем: начальная, возникшая ок. 1525—1526 гг. редакция «Корнилиевской» повести (по рукописи Погод.-643, л. 178 об.—191 об., XVI в.); часть второй «главы» сводной Григориевской редакции повести (ок. 1584—1586 гг.), посвященная осаде Печерской обители войсками Стефана Батория (по рукописи Казанск.-609/Солов.-671, л. 260—279); раздел монастырской хроники, посвященный эпохе Смутного времени (по той же рукописи, л. 281—293 об.). Рукопись Казанск.-609/Солов.-671 представляет собой конволют смешанного письма (на л. 1—221 помещено Сказание Авраамия Палицына); на л. 231 об.—232 внизу дата: «лета 7140», т. е. 1631/32 г.

⁴² *Апузтин В. Р.* Псково-Печерский Успенский монастырь и его вкладная книга 1558 г. М., 1914.

⁴³ См. перечень настоятелей за 1593—1699 гг. в рукописи начала XVIII в.: ГБЛ, ф. 200, № 69, л. 85—88.

⁴⁴ Два печерских синодика (один «лицевой» — XVII в., другой — XVIII в.) хранятся в Псковском историко-художественном музее; известен еще один синодик XVII в. (в частном собрании).

⁴⁵ *Серебрянский Н.* Заметки: тексты из псковских памятников / Тр. Псков. церковн. историко-археол. комитета. Псков, 1910. Т. 1. С. 153—175.

⁴⁶ *Серебрянский Н.* Очерки по истории... С. 56—59.

Человек некий именован Селиша стар сын Изборска града поведаша сицеву вещь, глаголя: «Некогда ми ходящу с отцем моим на лов звериный и в сию пустыню, яже бысть около сего места печернаго. Бе бо тогда пустыня велика и лес // прилежаше в том месте. И лучися нам приити к потоку тому на край горы, идеже ныне церкви богородична стоит. И слышахом в время часа церковнаго пения гласы убо прекрасны поющих и благочинно. Гласы же слышахуся, а поющих же не видехом. Место же то все около того святаго места исполнено суци благоуханша, яко же от множе//ства фимяна — от нас же мнится, яко быти сие некое явление аггельское и благодать Святаго Духа освящаша место то, яко хотящу богу показати свою великую милость в сем месте пречистою богородицею». Потом же ту землю и лес взяли в слободу у всех пскович с веча¹ люди земцы градския² и сельския не за много время до создания церкви богородичину. Сие же место // около пещеры дасться абие некоему человеку Ивану Дементьеву сыну. Той же Иван близ пещеры в подгорьи поставил деревню на речке Пачковке. И пришедшу ему некогда на холм сея горы пещерныи и наченшим лес сечи великое древье. Некоим же древом посеченым вальшимся и поразившим древо, стоящее на краи горы оноа, дре//ву же падшуся з горы, аки с стены, и свлекши с собою и с корением, яко воилок или дерн от корения и мху изгущену, и от сего открыся устье пещеры, идеже ныне гробница. Над дверми же пещерными обретоша писмо изваяно на стене, имуще писание сице: «Богом созданная пещера». О сем же нам явлении поведаша инок Патермуфей // Снетогорскаго монастыря, преж реченному Ивану пасынок, и пная же прочая от того же слышахом. Сему же обретению пещерному в слухи пришедшу в всем³ граде Пскове некоему же священнику Ивану имянем, род же его, глаголят, быти измлада московския земля и сего ради зваху его псковичи через имя Шестником, // невдавне же ему пришедшу в Псков из немецка земли от града Юрьева. В том бо граде Иван священствовал и служил полтретья лета в церкви святаго Николы чудотворца, поставлено от христиан руския земли. И слышав о сем месте пещерном, яко поток некий прилежащ близ немецкия земли, зовом Каменец; // течение имея прямо ко востоку; глубок, аки ров. В обе же страны потока оною горы высоки песочна, имуще некая места, яко стена прямо сверху до долу — в них же богозданна пещера. Ему же видети восхотевшу. И видев, възлюби место вельми; шед же в град и поим жену свою и два сына, приде к предре//ченному Ивану подгорскому и у него остави жену свою. Сам же, пришед в сие святое место, нача

л. 174

л. 175
об.

л. 180

л. 180
об.

л. 181

л. 181
об.

л. 182

л. 182
об.

¹ В ркп. с веча.

² В ркп. ошибочно людския (причем люд зачеркнуто); восстанавливается по Волок.-659.

³ Возможно, в сем (?).

- копати церковь за богозданною печерою к западу. По мале же
 време разболися жена его и пострижена бысть в иноческий образ,
 и наречено бысть имя ей Василиса инокиня; в той же болезни и пре-
 ставися. И ископа // землю в богозданной пещере и положи ю.
 Внощи же той изъставлена бысть из земли некоею невидимою силою
 божиею. Иван же помыслив с отцем ея духовным и глаголя, яко
 нечто погрешиста в надгробном, и отпевшей разрешену молитву
 изъглаголавшу отцу ея и паки погребоша, и паки второе обретесе
 на верху земля. Иван же // недоумевая о сем, но ископа на левой
 стране в пещере в стене и положи гроб ея непогребен. И потом же
 и он постригается и во иноческая облачатся, и наречен бысть
 Иона. Ископанней же быша церкве священноинком Ионою в горе
 мале суци тогда. Поставляет же и две келии на столбцы прямо //
 церкви пещерныя. Сам же шед в град и молит Святыя Троица
 проропопа и священников, чтобы освящали храм в горе. Онем же не
 хотящим ради сего необышнаго места. Он же не получив прошения
 и отходит убо в Великий Новгород к архиепископу и припадает
 к ногам святителя, просящи, дабы повелел освящати храм в горе.
 Архиепископ же // повелевши и благословившу освящати храм
 троицкым священником. Освящени же бывши церкви в горе в имя
 пречистыя владычицы нашеа богородица и приснодевы Мариа и
 славнаго ея Успения августа в 15 день в лето 6981 (1473) при
 архиепископе Великаго Новаграда и Пскова владыце Феофиле и
 при князе псковьском Ярославе Васильевиче. На освящении же
 церковнем // посла бог милосердый начало своих великих даров
 пречистой богородицею: жене слепой свет очима дарова. Преже-
 реченный же Иван дает от своей деревни уделом земли к Пречистой
 на память себе. По сем же священноинок Иона умре. По смерти же
 его обретоша на нагом теле его пансырь колчатый; тело же его все,
 яко извая//но сквозе колца. Погребен же бысть в той же пещере
 богозданней, пансырь же его обешен бысть над гробом. По пре-
 ставлении же его прииде священноинок Мисаило служити пречи-
 стой богородицы и монастырь ветхий состави в долу, иже бысть
 на горе, и церковь нову създа преподобных отец Антониа и Феодо-
 сия Печерьских. Старцов же тогда было // два или три в том мона-
 стыри скудости ради и убожства и порубежнаго места. Служба же
 была у пречистые в горе не по вся день, но егда священник изволит.
 Некогда же нашедшим немцом на сию землю ратию и пленя-
 щим ю и пожигающим, игумену же и братьи отбегшим от мона-
 стыря, церкви же преподобных раскладене бывши пожжения
 ради, понеже еще не освящена // бысть.
 Ратным же онем немцом и во гробницы бывшим; пансырю же
 обешену над гробом не обрестися по них. Таже им в церковь
 вшедшим Пречистыя и наченшим бесчинсвати. Иже исперва
 чудесем бог и пречистыа богородица хранением яко же некий огонь
 возгорися в церкви попадающей иноверных. Они же от страха
 побегоша, яко изумлени, и слышаще, яко // некоей силе в след их
 женуци. Нецыи же от наших тогда с Ызьборска града 15 человек
 послани быша языков ради и видевшим же их бежание вслед их

гнаша и многих от них побиша. Все же спе бысть пособнем и по-
мощию пречистые богородица. Многа же и ина чудеса богородицею
быша: овий убо слышаху пенне и свещи горяца видяху в церкви //
печерной и ови же благоуханше исходяще и дашаху различным
благоуханием, нецыи же от нашей братьи многожды видяху свет
в нощи стоящъ в монастыре Пречпстыя в долу и не от наших точною
видяху, но и от мирьских. Некый убо человек именем Иван Дол-
гий виде некогда свет в нощи стоящъ, яко облако над манасты//рем
новым в долу, и мнев, яко от вещества огня нечто горит в мона-
стыре, и на коне пригна, восхоте некое пособие сътворити. И свет же
абие подняся к небесе. Сия же он нам исповеда, мы же прослави-
хом Бога и пречистую богородицу. Времени же минувшу от свя-
щенна первая церкви лет 50, а от взятия псковскаго 13 лет, и егда
всхоте богу помиловати // стражуща люди и сию землю псковъ-
скую неотчуждену быти от божиих даров, како вся земля русская
прославлена богом и пречистою богородицею во многих бо градах
быша чудотворения: ово пречистыа богородица, иная же от святи-
телей и от преподобных отец. Спя же земля скудна быша таковыа
благодати, ныне же красится сим святым местом, яко светило сияя
во вся // конца пречистыа ради чудес.

Посла же бог таковых строителей святому сему месту, кому
мочно потрудитися в деле строения монастырьскаго; игуменьство
же Дорофею приемшу и великого князя дпаку Михаилу Мисюрю
радение, увидившу бо ему место и церковь Пречистые Богородица
и велику веру показа к пречистой о устроеньи монастырьстем по
с//вету же игумена и з братею и по мисюреву церковь Пречистыа
в горе велику ископаша. В той же церкви приделы устроиша пре-
подобных Антонна и Феодосиа Печерских; освящена же бысть
второе церкви Пречистыа в горе в ле(то) 7031 (1523) августа 15;
того же месяца освящают и преподобных храм. Помыслиша же
устроити монастырь прямо // церкви и ветхий принести на сие
место — им же восхотевшим по слову и дело бысть. Место же оно
преж новаго монастыря неравно бысть — ино горы, ино же ров
и лес велик; все же сие помощию пречистою богородицею израв-
няли. Потом же въздвигнуша церковь с трапезою в имя святых
великомученик 40, иже в Севастии, древяную.

По освящении же ве//ликия церкви на второе лето нача бого-
родица чудеса своя являти на человецех: исцели чернъца беснаго,
и на празник же Успения жене и отроку прозрение очима дарова
и нищаго человека с Ызборьска свободы, на нов месяц страдавашаго.
От того же праздника на иныя празники бывает не токмо три или
пять чудес, но и 50 и 60 мужеска полу и жень//ска исцеленых
различными недуги. Свидетели же чудесем ныне не аз един худый,
но всего великаго Новаграда и Пскова православнии людие и
всая рускыа земля христьяне самовидци и проповедницы чудесем.
Не токмо же подавает исцеление христьянскому роду, спш рече
православным и правовеующим в Святую Троицу и святую же и
пречистую деву богородицу ве//рою несум(ц)енную, разумеваю-
щим и почитающим, скверная же и хулная уста еретиком отме-

тающим, иже неправедне отверзаемая, но и от пноверных латыньска ереси немецкна земли приходящим с верою к пречистой богородицы и к чудотворному ея образу, подавает исцеления.

л. 260

О ПРИХОЖЕНИИ ЛИТОВСКИХ ЛЮДЕЙ К ПЕЧЕРСКОМУ МОНАСТЫРЮ И О ПОБЕДЕ НА НИХ

В то же время, егда краль Стефан Обатур стояше у града Пскова, воинстии людие добываху себе и конем корьмли по селом, по всей пско//вской области, паче же и в ливонстей земли ездяху, и до-
л. 260
об. самого Юрьева града, по лесом и по блатом, и по островом на Великом Псковском езере, взыскующе забеглых людей, и имения, и коров, и коней; и в плен себе имаху. Людие же простии и поселяне, на господа бога надежду возлагающе и на пречистую богородицу, выхожаху из градов осадных: с Ызборска, из Печерского монастыря, изо Гдова, и из Новаго городка, и из Юрьева ливонскаго,
л. 261 тех литовских людей по селом и по // лесом имаху живых, а иных побываху и грабленая у них отимаху.

И по сих октября в 25 день отпущено от крала литовстии воини в свою землю со многим имением своим и с пленными телег возничих, яко до тридесате и боле. Бе же путь шествие их от Пскова на Печерский монастырь в ливонскую землю и, егда достигоша Печерский монастырь, тогда Печерского монастыря людие устремишася на них и прогнаша их и имение их все поймаша и в монастырь привезоша. И на//утрии паки ехаша ото Пскова литовстии людие, яко до треисот, с пленники и со множеством имения. В них же бе пленен рижской немчин Евфим, послан за зелие златых имати,¹ и Поспел Солнцын з женою и з детми, бе же пленен от литвы во области Великого Новаграда, и инии мнози. Взяха же у них и два колокола, еже плениша в Кобыльской веси у храма святаго Николы чудотворца на Погосте, на полной.² Колоколы же оны и доныне в Печерском монастыре на изве//щение родом грядущим поставлены у церкви святаго Николы чудотворца на вратех. В то же время взяха и велблюда. И побиха литовских людей не много, понеже печерстии люди приидоша на них во сретение на речке на Пачковки, в Посаде. Прочии же литва и немцы побегоша вспять ко граду Пскову и возвестиша кралю о бывших на них побеждении, мняще, яко и до Пскова за ними гнаху, и ина прежде
л. 262 бывшая им досады от печерских // людей навадиша, кралю глаголюще, яко достойно бяше таковой град со мнихи разорити и люди из него вывести вон, понеже многа тщета людем польским от них. А в монастыре заключено бе в то время пленных угрян и поляков и немец, яко до тридесати и боле. Слышав же сия вся, краль Стефан разъярися на той Печерский монастырь и абие присылает множество вон поляков и немцы с стенобитными сосуды,
л. 263 сиречь с пушки, ко обители печерской Пречистой // Богородицы

¹ Т. е. посланный получить плату за порох.

² Имеется в виду псковский погост Напольный.

октября в 29 день. Они же безбожнии немцы воеводы имуще Китлера Курланца и Юрьева Хранбека.³ И пришедше, сташа около монастыря Печерского и начаша первые бити немцы из своего наряду, из трех пушек, ноемвриа в 5 день. Наутрии же, на память иже во святых отца нашего Павла исповедника, патриарха Константина града, и преподобнаго отца Варлама, игумена Хутынского, они безбожнии немцы, вооружившеся креще, поидоша в пробитое ме//сто стены, хотяху монастырь себе восприяти, богом зданныя же пещеры — снабдимый пречистою богородицею дом и яже в нем лежащих отец — ни во что же вмениша. Монастыря же того священники и иноцы и простии людие принесоша икону старую пречистыя богородицы Успения к пробитому месту, молебная со слезы простираху. Надеюще иже ся на господа живущий во обители той иноцы и малии воя и вси людие паче же възлагающе упование на пречистую богородицу, вооружаю//вшеся сташа, яко гора Сион, неподвижно. Горы бо окрест их, господь же окрест людей своих выну. И бишися с ними от третьего часа до ноци и отогнаша их посрамлены. Воеводу же Китлера и иных с ним немец взяша, а Юрья Хранбека, другаго воеводу, и иных немец изо оружия уязвиша. Слышав же краль Обатур, яко побежени быша немцы, абие присылает иного воеводу, Бурнамиса⁴ именем, и иных многих храбрых воя угров с нарядом же, запре//тив им сице: «Аще не разорите монастыря того и яже в нем людей не присецете, не имате ко мне во здравстве возвратитися».

Оный же воевода со югры пришед, постави четыре пушки на своем месте, а немцы на прежнем месте с своими тремя пушки. И биша по граду два дни в два места. И егда пробиша стену до земля, тогда вооружившеся поидоша вкупе угрове и немцы на пробитыя места, мневше, яко некому противу стати их. // Господь же праведен ссечет выя грешником — да постыдятся и возвратятся вспять вси ненавидяще Сиона. Христово же оно стадо в печали сущи велице плачуще, моляхуся пречистой богородицы и святому Николе чудотворцу и святым мученикам четыредесатем, иже в Севастии и преподобных отец Антонию и Феодосия Печерским и всем святым о избавлении толикия настоящия беды. И тогда некоему юноши именем Иульяну юну сущу, и спящу ему явися пречистая богородица, глаголя сице: «Востани и по//ведай сущим ту иноком и всем людем ити к проломному месту и пети молебны безпрестани пред образом пречистыя богородицы и не отпадати надежда на господа и на того рождъшую. Людем же неослабно вооруженом быти и стояти крепце. Ты убиен будеши, аз же не оставлю места сего и не предам в руже врагом». Та же даст ему три сребреники, яже ему на потребу, обаче же он юноша не имея обуци, ни срачицы. Он же, востав, тече ко иконе пречистыя богородицы с плачем моляся, и поведает всем // явление, бывшее ему. Быша же тогда некоторым мнихом и иным духовным мужем явле-

³ Правильно Китлер и Фаренсбах.

⁴ Правильно Борнелисса.

ние пречистыя богородицы и ово некоего мужа свята, глаголюща. И о сем поведи старец Спиридон Аникиев, о преподобнем Варламе Хутынском, еже виде. Овогда же глас невидимо слыша сицев: «Не ужасайтесь, но постражите, яко добрии воины Христови, за дом Пречистыя Богородицы!». Слышавше же сия, священный собор, иноцы и вси людие радостию и трепетом скоро притекоша ко иконе пречистыя богородицы Успения, к пробитой стене, мо//лебная совершающе и плачущесе, глаголаху сице: «Не остави нас, человеческое предстояние, пречистая владычице, но прими моление раб своих. Скорби убо обдержат нас. . .», и прочее.

л. 266
об.

В то же время, егда приступаху угрове и немцы купно, разделшися в два пробитыя места, тогда некто рыболов Сергей Витая Брада виде над церковию Пречистыя Богородицы множество етер⁵ в белых ризах, в руке свеща имуща и глаголюще друг ко другу: «Грядем на пособие христьяном и пожжем иноверныя». Та же поидоша. Мню(жество) // етер, мню, быти святых 40 мученик и преподобных отец, лежащих в богомзданней пещере.

л. 267

В той же час все упование возложше на господа бога и на пречистую его мать и на пребывающаго в дому своем непобедимаго воеводу пречистую богородицу и на святаго Николу чудотворца и на всех святых, малии тогда обрешейся людие охрабришася и биша ис пицалей и каменя на них меташу от четвертаго часа и до девятаго и побиша их. Сему же бывшу явлению последи и свиде//тельствующе они угрове и немцы. «Егда приступаху ко граду, тогда видеша, — глаголюще, — некое божие пособие: над монастырем множество вои в белых ризах, биюща их, и абие нападе на них ужас велик, и посрамлени побегоша». К сему же и ино дивне. «Егда бихом из наряду по стене и стену разбихом, тогда видехом во днц и по вся ноци некоего мужа стара, власы белы имуща, овогда ходяща, овогда ездяща на коне, строяща и кажуща на гра//де в пробитых местех некое ограждение творити. И много по нему стреляхом и ни единого ноци улучити не возмогохом». Мужа стара, мню, быти святаго Николу чудотворца.

л. 268
об.

л. 268

В той же день другой приступ сотвориша ко вратом у храма святаго Николы и по лестницам въздоша на башню пред враты. И ниш же врата железная ломящи, хотяху вкупе со обох стран власти в монастырь, умышляюще всякими ухищре//нми. Промысленик же всем господь наш Иисус Христос не презре моление матери своей за умоление людем. И абие и жены храбры сотвори и младые дети пицали занаряжающе, мужем готовляху. Ови же оружием с стены пхающе, ови же воду варяху с калом и ляху за град на приступающа воя по лествицам ко граду. Обаче же и сии побеже-ни быша и падоша, и обом же не бе числа. А прочии отбегоша посрамлени. Спя же // велия победа и одоление на неверныя латыня бысть ноября в 14 день, на память святаго и всехвальнаго апостола Филиппа. И на утрее, на память святых мученик и исповедник Гурия, Самона и Авива, тако же до конца победиша их.

⁵ Т. е. неких.

Во всех же сих лютых приступех язвеных побитых в монастыре людей, яко до чetyредесят и боле. Бе же в то время болезнь естественая // людем и мор от мужа утеснения. Се же все обое бысть за умноже(ние) грех наших. По сих же зле бывших нам последних приступов минув десять дний, абие присылает ото Пьскова литовский урядный воевода канцлер Ян Заимоцкий⁶ в Печерский монастырь послание о здании монастыря и образ стеклян, льячен, в простей крабенцы за приятельное веры людем ла//скателство льстивно предлагает, о нем же в послании явлено.⁷ Слушавше же такова послания, иноцы реша: «Не хотим королева жалования и не страшимся от его угроз, ни приемлем канцлерова лстиваго ласкания, ни его лстнаго обещания латынскаго, по кристианству».

А христиане рекоша: «По крестному целованию за отчину своего государя царя и великого князя Ивана Ва//сильевича всея Руси и за его чада царевича Феодора мы тако же должны умерети, а монастыря богом зданныя пещеры не отдадим».

Бе же, яко седмый день тогда, егда преставися царевичь князь Иван на Москве. Та же осадный голова Юрий Нечаев и весь сигклит советовав, повелеша отказати посланным от короля за ограду старцу Тернуфию, // тако зовому. Старец же Тернуфей оболкъся в весь иноческий чин великаго образа, показав главу из стеннаго окна, отказа сице: «Аще и предаст нас господь за грехи наша, но должны есмы вси по Христе умерети в дому пречистыя богородицы, в нем же прияхом сей великий аггльский чин. Яко же мя единаго сицева видите, тако вси мы готови умерети за государя нашего царя и великого князя, отчину и святыя церкви и за закон // православныя веры нашея христианския, а монастыря королю вашему не отдадим». Та же и вси людие то же слово ркуще с стены оградныя с воплем дерзостне отказаша. И начаша их с стены стреляти. Они же посрамлени побегоша, ничто же обретше, и от того дни стояху угрове и немцы около монастыря месяца два и дний пять, стрежаху и не дающе никому из монастыря изыти, ни в монастырь внити, и всячески промышляху и у//грозы кажуще, аще монастыря не отдадут. Потом же, по мирном положении, от града Пьскова и от монастыря Печерского оное великое воинство отидоша. Слышав же таковое побеждение турский царь Амурат Селимов от вой, иже бяше были турцы у Пскова, вельми посрамися, охужая голдовника⁸ своего короля полскаго, к своим глаголаше: «Како сей несмысленный не соодоле безлюдну граду Пскову и

⁶ Правильно Замойский.

⁷ Здесь в ркп. явная лакуна: опущен текст послания Яна Замойского, вероятно, хранившийся в монастыре (послание известно по другим спискам Повести). С некоторыми «правками» и искажениями этот текст опубликован: Повесть о начале и основании Печерского монастыря. . . М., 1807. С. 25—28.

⁸ Т. е. данника. Здесь намек на то, что избранный польским сеймом король Стефан Баторий, князь Седмиградский, был в известной степени ставленником турок — так, Ян Ходкевич и Иван Грозный в один голос называют его турецким или султановым посаженником. См.: Соловьев С. История России с древнейших времен. М., 1877. Т. 6. С. 302, 335.

а. 272
оо. монастырю Печерскому, немущу воя?». Они же ту//ркове, иже
бяху писания, прежде бывшая во Израили, чтуще, рассуажу,
царю глаголющу: «Аще бы и всея вселенныя царие пришли суть
на восхищение граду оному и монастырю, не бы могли взяти дом
божий и избавителя и защитителя их». Сия же нам поведа пленник
из Царяграда некто Козма Ляпунов; тогда бышу ему в Константине
граде.

а. 273
оо. Прослу же монастырь той Печерский пречистыя ради богоро-
дицы неизреченнаго // и дивнаго ея поможения и заступления во
всю скифскую страну и немецкия острова и по Варяжскому морю
даже и до Рима, паче же и до Царяграда. Сами бни бестуднии
латынове укоризну себе износяще, глаголаху: «Како он малый
градец, меж гор стоящ и воя храбры не имея в себе, токмо мнихи
и простии людие поселяне з женами, а над ними учинена старей-
шиною ко ополчению Юрья именем, родом Нечаева, млада суца и
1. 273
оо. мала возра//стом — и сего не возмогоша одолети? Но всеу труди-
хомся противу невидимаго небеснаго царя воинств».

Обаче же ину от них повесть слышахом. Вопросаху ины воины
у бывших у Печерского монастыря воинов: «Пане, где был еси под
замком?». Он же отвеща: «В мешках⁹ у белого замка Печерского».
Паки глагола: «Добыли ли замок?». Той же отвещав, рече: «Како
добыти, где бог сам изволи быти и его матере, яко же Давид глаголет:
а. 274
„Гора, ю же благоволи бог жи//ти в ней, ибо господь вселится
до конца!“». Сию же божию милость видевши и помощь пречистыя
богородицы, и оных иноплеменик, не ведущим суца истиннаго
бога и его матере, покорное рассужение их, должны есмы и мы со
пророком воспети песнь нову, яко дивна сотвори господь: «Спасе
нас десница его и мышца святая его. Яви господь спасение свое
пред языки и откры правду свою. Помяну милость свою граду
а. 274
оо. Пскову и истину свою дому Пречистыя Богородица». Положи//ша
же обет бывшии тогда в Печерском монастыре в осаде священники
и братия наша, и вси православнии християне ходити со оною
богоносною пречистыя владычицы нашей богородицы и приснодевы
Мария честнаго ея Умления и с честными кресты во град Псков
в неделю седмую по Пасце ко святей и велицей соборней апостоль-
стей церкви Пресвятыя и Животворящия Неразделимыя Троица
а. 275
воспомяновения ради родом грядущим, забывшая // победы на
противныя тою чудотворною иконою во граде Пскове. Бывают же
от сея богоносныя иконы Пречистыя дивная и неизреченная чудеса
с верою приходящим и слепым прозрение даже и до сего дне,
о них же последи подробну скажем. Написана же сия богозрачная
икона неким изографом, боголюбезным священноиноком Арсе-
нием Хитрошем боголепно и богоподобно благочистительными
а. 275
оо. шары¹⁰ тчателне. Икону же ону старую // Успения святей бого-
родицы, еже ношаху на молебное пение к проломному месту, пове-
лением игумена Тифона и всех людей осадных заветом, обложиша

⁹ Т. е. задержались, замешкались.

¹⁰ Т. е. красками.

сребром и поставиша с левую страну от чудотворнаго образа Успения пречистыя богородицы, в житии. Потом же в 92-е лето марта в 18 день царь и великий князь Иван, нареченный во иноцех Иона, преставися; бяше бо той вящй пожитель и пособник во всем строении сему Печерскому мо//настырю, даваше много сел и злата, и сребра, и икон, и книг, и риз, и иных потребных. В первое же лето скипетра сына его царя и великаго князя Феодора Ивановича всея Русии, егда церкви божия в его в русском царствии и в болгарстей стране, яко раеви подобно, цветяху¹¹ и людем великое пространство и от тяготы облегчание, тогда устроиша и новую икону на извещение божия помощи и пречистыя богородицы и святых // его угодник, в ня же дни бысть дивная победа и одоление на противныя, егда приступаху угрове и немцы в пробитыя места стены монастырьския. И поставиша и ту новую икону подле старыя иконы Успения святей богородицы на воспоминание родом грядущим.

л. 276

л. 276 об.

Той же, божию дару тезоименитый и первый во царех в Русии именем и благочестия ревнитель, благоверный царь и великий князь Фе//одор паки своим дарованием обогащает дом Пречистыя Богородицы, сея богомзданныя пещеры ливонския, отчиною селы и своею царскою казною — на церковное строение и на препитание сущим во обители сту мнихом и служащим в монастырьских послужениях миряном трем стом, паче же и гостем, и всем странннм, приходящим от всех стран на поклонение пречистыя богородицы образу. Свидетелие же ныне сим бяше не мы едины, но всего Великого // Новагорода и Пскова православнии людеи, и всея Руския земли християне самовидцы и проповедницы заступлению и чудесем пречистыя богородица. Понеже бо видеша вси концы земля спасение бога нашего, не токмо же подает исцеление християном, сии речь православным правоверующим во святую троицу, отца и сына и святаго духа, святую же и пречистую богородицу верою несуменною разумеющим, скверная же и хульная уста еретиком отметающе, иже неправедне отверзаемая, но и // от иноверных латын ереси немецкия земли приходящим с верою к пречестней церкви богородица и к чудотворным

л. 277

л. 277 об.

л. 278

¹¹ Имеется в виду Волжская Болгария, где находилось Казанское царство. Во время правления царя Феодора казанцы бунтовали (как говорится в «Житии царя и великаго князя Феодора Иоанновича» «нечестивии же Болгари. . . паки на благочестие встают». См.: ПСРЛ, т. 14. М., 1965. С. 3. Однако после их усмирения «благочестие велие царским его правлением устроися» (Там же. С. 4). Любопытно, что имеющаяся в «Повести» вставка с панегириком царю Феодору в связи с упоминанием о его вкладах в монастырь также имеет некоторую параллель в «Житии» — ср., например, в последнем: «. . . убо бысть. . . в. . . время, егда. . . вера в Велицей Росии паче солнца сияющи. . . и царей Руския державы скипетродержавство велелепне цветуще» (Там же. С. 2). Вставной характер панегирика явственно виден из того, что за рассказом о дарах Феодора следуют слова (внизу л. 277): «Свидетелие же ныне сим бяше. . . самовидцы. . . заступлению и чудесем пречистыя богородица», т. е. отсюда вновь продолжается прерванная история осады, подводящая ее итоги и подчеркивается роль местнотимых богородичных икон (л. 277 об.—278 об.).

иконам пречестнаго и славнаго ея Успения и Умпления, и доньне
подает исцеления, слепым прозрение, болным здравие, хромым
хождение, колосным и разслабленным исправление и всякими раз-
личными болезнями одержимым скорое поможение, грешным спа-
сение, скорбным утешение, паче же пленени быша от обители пре-
чистыя слуги и християне в нашесь//твие оного безбожнаго краля
и заведени в морския острова в немцы. Сии же вси пречистыя
богородицы снабдением свобожени быша и паки в монастырь-
придоша здравы.

Обаче же, отцы честнии и братия, должен сый пречистыя бого-
родицы тмою талант, пребывая в грубости ленивства и страхом
многим одержим, бояхся забвению предати за сие, яко и аз,
окаянный, милостию и хранением ея четверицею пленения и
смерти от супостат избавлен, кроме внешних нападений.

Сия же исповедах, пре//клоняю колени, молю ваше преподо-
бие: обаче аще кто ин и выше нас весть исповедати от чудес пре-
чистыя богородицы и той да потшится, и сия исправити, и на среду
привести, и похваления песни привести, еже исперьва богобла-
женными отцы во святей соборней и апостольстей церкви написана
быша в славу и честь Единосущней и Животворящей нераздели-
мой Троицы, Отцу и Сыну и Святому Духу, и ныне и присно и во
веки веком. Аминь.

СКАЗАНИЯ О НАШЕСТВИИ ИНОПЛЕМЕННОИ К ПЕЧЕРСКОМУ МОНАСТЫРЮ

В лето 7119, егда поляки и литва — гетман Желтовский с вои
своими — оманением заседоша царствующий град Москву, тогда
грех ради наших прииде под Печерский монастырь в первую су-
боту великого поста февраля в 10 день литовский полковник
Александр Лисовский с вои своими — с литовскими и немецкими
людьми — изгоном забежью вломишася во острог, вне монастыря,
и на побеге и остроге многих людей посе//коша, пные же сведоша
в плен. Сам же Лисовской с вои своими ста на гостине и на ко-
нюшем дворце, и в церкви святых мученик 40-те иконы и книги,
и свечи, и сосуды церковные, и ризы, и колокола, и на конюшем
дворце лошади и седла и всякой конской запас, и в торгу, и в по-
саде на Пачковке, и на сельцех все имение разграбиша. На утрие же
в 11 день февраля, на память святого Власия, епископа савастий-
скаго, и святого благовернаго князя Всеволода-Гавриила, в не-
делю, ко граду приступ сотвориша, ко святым воротам и к ниж-
ним. И божиею милостию и заступлением пречистые богородицы
и всех // святых молитвами ничтоже успеха. На утрие же
в понедельник те литовские люди церковь святых мученик 40-
зажгоша. И гостиной дворец, и торг, и пачковской посад выжгли
и со многим грабежом отойде к Вороночю.

Приход Ходкевичев с литовскими
и с немецкими людьми
к Печерскому монастырю

119-го году марта в 10 день в осмом часу ночи, в неделю, егда всенощное бдение совершаху, прииде литовский воевода Ян Хотковичь с литовскими и с немецкими людьми тайно с норядными короткими // пушкы, зовомыи с пинардами, и выбиша градные железные и деревянные обои врата под церковию святого Николы чудотворца и внидоша со оружием во град, и бысть сеча велика и стреляние. От страха же того мнози из града стены матахуся и убивахуся, падением с высоты града изомроша. Инии же избегоша другими, Изборскими враты, а инии в монастыре бипаша с ними стены града 4 часы ноци, даже и до утрия, до первого часу дни. Архимарит же Иоаким со священники и з братиею в печерной церкви Успения пречистые богородицы соборне молебная совершающе. // И людие — и мужие, и жены, и младенцы, оставшии в монастыре, вси страхом велиим одержими тогда, плачуще и рыдающе пред чудотворною иконою Успения богоматере, припадающе и молящися, вопиюще со слезами: «О пресвятая госпоже, владычице богородице, не остави нас, от настоящия сея беды и изми нас от пленении иноверных сих, нападающих на нас, да не росхитят нас от твоего богом снабдимага стада и да не рекут: „Где есть бог их?“. Но ты, госпожа, заступи и сохрани нас и умоли сына своего, господя нашего Иисуса Христа, славимаго и покло//няемаго в троицы со отцем и со святым духом, и ныне, и присно, и во веки веком. Аминь».

Тогда иноверныи поляки и немцы увидеша исходящих из церкви печерной Пречистые Богородицы со святыми чудотворными иконы пречистые богородицы и всех святых и многое священное ополчение со свещами и с кандилы, молебное совершающе. И видеша безстуднии они ляхове и немцы жену пречюдну и с нею два мужа сонавитвы. И от сего дивнаго видения объят их страх и ужас велий, и смятошася вси и побегоша из града, никем же гоними. Токма тогда малии оставшии людие, // видевше бежание их, возопиша рускими гласы и биюще их оружием и камением метанием. Божию же невидимую силою и помощию пречистые богородицы и святого чудотворца Николы, и преподобных отец наших Антония и Феодосия печерских, и Марка, и Ионы, и Корнилия, и прочих, и памяти ради святых мученик 40, иже в Севастии, и святого мученика Кондрата и дружины его, из града изгнани быша. Тогда же бегуще литовстии людие зажгоша во граде монастырьские и хрестиянские житници с хлебом и со имением, и згоре 62 житници. В церкви же святого // Николы чудотворца над святыми вороты двери розломаша и ото икон кузнь и сосуды серебряныя поимаша. Избавльшиишеся божиею милостию от плена врата града утвердиша, и пожар утолися, и о избавлении многия и великия скорби хвалу богу воздающе и пречистой богородицы, и всем святым о бывшей победе на них. Литовский же гетман Хотковичь отоиде посрамлен, и многие тогда во граде

пречистые богородицы литовскии и немецкие люди побиеши быша помощию пречистые богородицы.

л. 285

Минувшим же трем // надесять днем, марта 24 день, во святую неделю Пасхи прииде с похвалою той же Ян Ходковичь под Печерский монастырь со мною силою — с поляки и с литвою, и с немцы, французскими и стенобитными 12 пушки, хотя дом Пречистые Богородицы розорити, стену же градную многия места испроби. Стоящу же ему до пятыи недели по Пасце, тогда явися на небеси велие знамение над Печерским монастырем апреля в 27 день в 3-ем часу ноци: посреде лучу велию стоящую, два лучи от него исходяща — единому лучю меж востока и полудне, а другому лучю к северныя страны, яко на пробитая места Печерь//ского монастыря. И тому лучю стоящу над Печерским монастырем, яко два часы. Сие же показывает бог, яко хочет своєю тварию.

л. 285
об.

И начат бити ис пушек по монастырьской ограде подле Тайловской башни, таже в другом месте — за церковию печерною Успения пречистые богородицы близ титовой¹ кельи от моста, потом з другого бугру — от Верхоостровские Пачковки — в монастырь по кельем и по людем, таже из больших пушек по высокой башни наугольной спреди монастыря и по стене — от дороги. Увидевши же людие скорбь велию и тесноту и, прося у господа бога милости и у пречистей богородицы, и у всех святых помощи и заступления,

л. 286

вооружихешя про//тиву ополчения их. Иноки и бельцы выидоша поутру из града и бишася с ними и выгноша их ис туров; оних побиха, а иных живых во град приведоша; оружие поимаша и наряду взяша три пушки медяных саженыи с локтем и повлекоша во град. И о помощи божии хвалу богу воздающа и пречистые богородицы, радующеса о победе и одолении, еже на враги. Еще же злое первое ухищрение сотвориша немцы мая в 2 день, в ноци на Вознесение Господне, подкрадхися к пролому у высокая башни, зажгоша нарядным зелием приметом на стене торасы,

л. 286
об.

а к Изборским вратом поднесоша з зелием пинарды и вы//ломиша железные решотки, яко со окно, и ничто же успеха. Потом иныи пушки поставиша от Тайловы слободы и пробиша стену, и Тайловскую башню розбиша таже до конца. В пятом месте подле дврца над ручьем поставиша две пушки и биша из них по клетем и по кельем, и по людем, которые стоят за колокольнею по горе, и по Изборской башни и, разжигая ядра, пушачу в монастырь по кельям и по житницам зажигания ради на смятенье людем. И сотвориша приступ велий в два пробитые места — у высокая башни и у Тайловские — в неделю 7-ю по Пасце в деся//том часу дни. И прося у господа бога милости, бишася с ними на проломех из башен, из стены — ис пушек, ис пищалей всяких и каменным метанием три часы иноки и бельцы, мужи и жены безпресташи.

л. 287

Архимарит же Иоаким со освященным собором и з братнею молебная совершающе, носяще чудотворные иконы пречистые богородицы и всех святых. Християне же со женами и з детьми и всяк

¹ В ркп. титивой.

возраст тогда молящися господу богу и пречистой богородицы и всем святым з горьким рыданием и слезами о избавлении града и о помощи божии и одолении на врага. Милостивый же и человеколюбивый господь предстательством милосердыа и человеколюбивыа // пренепорочныа матере своеа и памяти ради пже во святых и преподобных и богоносных отец наших 318, пже в Никее собора, мая в 4 день, на память святыа мученицы Пелагеи, от тяжкого иноверных налога град сохрани и люди от плена избави. Некто от них, воем немецким начальник, именем Вилим, мянше приобрести велие богатство во обители сей, еще удержаша литовского гетмана Яна Хоткевича, глаголюща ему: «Великий гетмане, да нам еще пробити монастырские стены до земля на новом месте пространно, а чаем взяти монастырь вскоре и имение разграбим и поидем в свою землю с похвалою». И в субботу же пятьдесятную начаша пробивати посреде // стены в новом месте, противу корнильевы каменные кельи, из больших проломных пушек и пробиваша до земля, а в ширину 15 сажен, и всего в пяти проломех розбили ис пушек в ширину на 40 сажен. З бугра же бююще претив на тое же место ис пушек дробовых по людем, не дающе заделывати пробитого оног места, ниже людем быти противу их во ополчении. Таже пристроиваша огненныа пушки, пуцающе в монастырь на запаления монастыря, и сотвориша приступ велий со всеми вой своими с четырех стран в новопробитые и в прежние проломные места в 10-м часу дни. Иноки же и бельцы, мужи и жены, и дети, // прося у всеильного бога милости и у пречистые богородицы и у всех святых помощи и заступления, сташа противу ополчению их со оружием и бысть бой велий у всех приступов. И бишася с ними 2 часы и боле. Тогда иноверные видеша по стене града жену благообразну, прапором черленным машуще на них, с нею же ходяща некоего старца святалепна со оружием и отгоняше их от ограды монастырския. Инии же литовския вой видяху на ограде некоего мужа нарочита, во освященных ризах ходяща пред ними же, носяща святыа иконы, молебное пение совершающих и огра//жающе люди и осеняюще обитель пречистые богородицы от сопрообстоянию. Созади же церкви Пречистые Богородицы приидоша с лествицы на стену. Божий же невидимый и неизреченный промысл всех сих насилование превозможе и не предаде нас до конца имени своего ради, и не розари завета свягата своего, и не остави милость свою от нас, но предвари щедроты своя господь. Возбранный же и непобедимый воевода богоматерь, заступница наша, с небесным воинством дом свой сохраняя, всегда скорый же помощник в скорбех великий чудотворец Николае со преподобными отцы и з добропобедными мученики // 40-те и исповедники Гурей и Самон и Авив со благоверными князи Борисом и Глебом, иже первие воинствующе и ныне невидимо способствующе, и всех святых ради молитв мая в 11 день, на память свягата священномученика Мокея, всех сих злых бед и огненог запаления милостию своею преславно господь бог сохрани нас и град избави от иноверных обстояний и борения их

4. 287 об.

4. 288

4. 288 об.

4. 289

4. 289 об.

низложи. Литовстии же людие, вои мнози, у приступов побие ни быша. Гордый же воевода гетман Хотковичь со всеми вои своими от града отбеже, а стенобитные пушки ношью отвезоша, а около

4. 290 монастыря села и деревни, и станы своя по//зже в полудне и отоиде со всеми вои своими в литовскую землю посрамлен. Пятьдесятница же ради настоящего праздника о милости божии и о избавления града бысть радость велия всем людем, и вси единодушно всесильному господу богу честь и хвалу воздающе, и пречистей его матере, и святым небесным силам, и всем святым, славяще Святую Троицу, Отца и Сына, и Святаго Духа.

По сих же некто Василей Кононов, поручено бе ему церковное служение у святаго Николы чудотворца в Печерском монастыре на вратех пономарное, поведя же дивну повесть, еже виде во храме

556 святаго Николы чудотворца на // вратех, ситцову. Внидох, рече, 96. на заутреню в притвор святаго Николы, принесох в фаноре огонь на вжигание свещам в церковь и видех в притворе сидяща некоего мужа по всем сану архиерейстем з жезлом, браду седу имуща, с ним же другаго мужа нарочита во иночестей одежди и между собою глаголюща, не уразумех что. Он же поклонихся им до земля, яко же обычай имати властем. Муж же он, юже в сану архиерейсте седяй, рече ему: «Поиди, чадо, в церковь на послужение свое». И взираше седяй на ограду монастырьскую к высокой наугольной башни и на стену, идеже литовской // воевода Хотковичь розби пушечным стрелянием. И идох в церковь скоро, отверзох двери церковныя, яко незаклучена, и видех внутрь церкви исполнену благоухания фимьяннаго, и вжигах свещу пред иконою святаго Николы чудотворца, и изыдох ис церкви паки в притвор позванения ради заутренняго пения, и не видех в притворе никого же и, позвонив, внидох паки в церковь, и не бе фимьянный воня, яко же прежде бе он. О сем удивихся и прослави бога и святаго чудотворца Николу, показавше такое дивное видение, яко видех нужными очима чувственно, и многим поведох

4. 291 пользы // ради и утверждения слышавшим, еже бы не ослабна 06. надежда имели на господа бога, славимаго и поклоняемаго в Троице, и на пречистую богородицу нашу заступницу, и на великого чудотворца Николу, и на преподобных отец Антония и Феодосия Печерских и молилися безпрестани о своих согрешениях и о победе видимыя и невидимыя враги, и седали б в осаде во обители пречистые богородицы неослабно, и стояли мужественно противу неверных польских и литовских и немецких людей. Сия же Василей он поведя: и по иные дни таковое оное чудное видение виде, яко до трижды сего святителя во архиерейстей // одежди, старца же оного виде дважды, Во вся та чудная посещения оных святых мужей, теплых помощников и заступников в скорбех наших, церковь святаго Николы наполняшеса фимьяну благовонна. Егда же схожахуса людие на заутреннюю мольбу, тогда фимьяну в церкви не бе. Потом злохитрием своим литовские вои начаша подкопы под стену копати,² а стенобитныя пушки укро-

² В ркп. копаки.

тиша. Божий же неизреченный промысл их злохитрие превоз-
може: прокопали 30 сажен, и прииде им камень велий, яко стена,
и невозмогаша прекопатися. И потом в другом месте пачали под-
копы вести, // и тамо камень же им явися. Людие же во обители ^{А. 293}
пречистыя богородицы о том не ведуще, просяще у господя бога ^{об.}
милости и у пречистыя богородицы, и у всех святых помощи и за-
ступления и хотяще злохитрие их уведати, и вооружившеся
конные люди, и изыдоша за град, и бишася с ними, с литовскими
вои, и помощию пречистыя богородицы овех побиша, а иных жи-
вых вовлекоша во град, и злохитрие их подкопное известно ви-
деша, и начаша прокапывати около башен и за градом подле
стену против их злохитрия слухи, и бысть во обители скорбь
велия, и осадным людем труды нема//лы. И пробитыя места гра- ^{А. 293}
да — стену и башни — потвердиша. Злоначальный же враг
дьявол, не хотя видети спасения нашего и подстрекая тогда
в русских людех ненавистию, тогда избегоша из града в литовския
полки два казаки и возвестиша литовскому воеводе Ходкевичю
и воем его о промысле осадных людей, каковы труды подъяша,
и стену утвердиша, и слухи изготовиша против копания их.
Тогда Ходкевич повеле собрати к себе вся воя и совет ³ помышляти
щетная на обитель пречистыя богородицы, како бы им суетное
свое желание у//лучити. ^{А. 11}
^{об.}

В лето 7120-го, февраля в 10 день, в ноци прииде украдом под
печерский монастырь литовский воевода Волмер, Франзбеков
сын, с литовскими и с немецкими людми, с нарядными пушки,
с пинарды. И пробиша острожные и градныя новые железные
обои врата и железную решетку, и милостию божиею и заступле-
нием пречистыя богородицы и великих чудотворцов и всех святых
молитвами бишася рустии людие, иноки и бельцы, служки и
стрельцы, у деревяных запорных брусиях, и борения иноверных
низложено бысть, и отидоша посрамлены, а дом Пречистыя Бого-
родицы сохранен бысть заступлением ея.

³ В ркп. совесть.

